

ДОМНА ТОКМИНА

СНЫ
СБЫВАЮТСЯ
ПО ПЯТНИЦАМ

Домна Токмина

СНЫ СБЫВАЮТСЯ ПО ПЯТНИЦАМ

«Accent Graphics communications»

2018

Токмина Д.

Сны сбываются по пятницам / Д. Токмина — «Accent Graphics communications», 2018

В средневековом замке никак не может успокоиться душа жестокого барона. Проклятие может снять только любящая женщина. Но, как выяснилось, потомкам ставшего привидением не везло на верных жен. Однако, какое отношение ко всему этому может иметь наша современница? Мистические, порой необъяснимые ситуации, подстерегают ее на каждом шагу. Ожившие покойники помогают, а живые люди представляют угрозу. Да и кому можно доверять в этой ситуации? Хватит ли сил Валентине выстоять в этом кошмаре и обрести любовь? И почему только на пороге смерти можно оценить прелести жизни. Книга написана в жанрах: женский иронический детектив, мистика, любовно-исторический роман.

© Токмина Д., 2018

© Accent Graphics
communications, 2018

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	29
Глава 6	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Домна Токмина

СНЫ СБЫВАЮТСЯ ПО ПЯТНИЦАМ

Глава 1

Валентина с грустью смотрела в окно. Дождь не находил себе места, метался под порывами ветра. Вой ветра нагонял страх. Больше всего было жаль петушка-флюгер на крыше мясной лавки напротив.

Ветер нещадно крутил его из стороны в сторону, пытаясь сорвать со спицы. С растерянным видом петушок в одиночестве сражался со стихией, попутно стряхивая капли дождя, а может быть, слёзы. Валя чувствовала себя сродни этому петушку.

Большой плакат с рекламой продукции «Золотой петушок» приглашал в магазин за мясом птицы. Баннер под оплеухами ветра едва держался, в любую минуту готовый сорваться и взлететь в неведомые дали. Ветер всегда наводил на Валентину ужас: пока он не стихал, она не могла ни есть, ни спать.

За сегодняшний день и так страхов хватило: показалось, что за ней следом шел какой-то мужчина. Лицо его она не разглядела, но он сопровождал ее до самого подъезда. Хотя, это можно назвать тщеславием – ни красоты, ни денег, ни известности. Кому она нужна?

Нет ничего страшнее одиночества, в голову лезут всякие нелепые мысли. Свет постоянно моргал и ненадолго отключался. Становилось еще тревожнее. Она попыталась заткнуть ватой уши, чтобы не слышать завывания ветра, и едва расслышала стук в дверь.

– Кто там? – почему-то шепотом спросила хозяйка квартиры.

– Валентина, извините, что поздно, но это Ираида Федоровна, Ваша соседка.

Валя обрадовалась неожиданному визиту – до этого вечера соседка никогда не переступала порог ее квартиры. Они часто сталкивались во дворе, где Ираида Федоровна гуляла с внуком Никитой, очень забавным мальчиком.

Не меньшее очарование представлял кот соседки Шериф. Он был огромный и лохматый с большими умными глазами. Хозяйка никогда не выносила его на улицу, чтобы обезопасить от болезней и блох, поэтому о жизни он имел представление только, наблюдая из окна.

Ираида Фёдоровна обратилась к соседке с просьбой оставить кота переночевать:

– Внук заболел, а зять с дочерью в ночную смену работают. Мне нужно с Никитой побыть, но Шериф не может ночью один оставаться, будет орать, пока я не приду. Не знаю, что с ним делать?!

К удивлению хозяйки, Шериф важно прошествовал в квартиру Валентины и улёгся в кресло.

– Надо же, – удивилась хозяйка, – вообще-то он очень привередливый в выборе общения, а Вас принял.

– Я б его с собой взяла, если можно было, – оправдывалась Ираида Федоровна, – но у зятя аллергия на кошачью шерсть.

Когда хозяйка ушла, кот, не мигая, уставился на Валентину, будто изучая, потом подошел, положил лапу ей на колено, словно сочувствуя, и улегся, свернувшись клубочком у её ног.

Пока она читала книгу, Шериф тихо дремал. У Вали никогда кошек не было, поэтому она представление об их повадках имела только из рассказов людей, держащих котов дома. В основном, всё сводилось к тому, что кошки очень противные существа: требуют постоянного внимания к себе, утром будят хозяев громким ором, требуя пищи, едят не всё подряд, а только то, что любят. Все же, несмотря на их противный характер, их любят и балуют.

Но Шериф вёл себя степенно: не прыгал, ничего не требовал. Единственным происшествием за вечер было его падение со спинки дивана, на которую он лёг, растянувшись во весь свой рост, но та оказалась несколько узковата для такого огромного кота. К удивлению, упав с дивана, он не издал ни единого звука.

У Валентины мелькнула мысль, что, возможно, кот немой. Она видела на улице, как какая-то женщина сюсюкала со своим котиком, и тот от удовольствия мурлыкал. Поэтому Валентина тут же бросилась к Шерифу и, поглаживая его по длинной шерсти, начала подражать вышеупомянутой женщине.

Кот, молча, вытянулся во всю длину на полу и задремал, как ни в чем не бывало.

Валя оторвалась от книги, когда погасли за окном уличные фонари, которые прекращали освещать улицы ровно в двенадцать часов. Но едва она стала засыпать, как еще недавно спящий кот, вдруг, закричал вполне по-человечески:

– Ма-а-ма-а-! Ма-а-ммау! – и бросился к двери.

Накинув халат, Валентина выбежала следом за Шерифом, переживая, что с животным, оставленным на хранение, что-то случилось. Может быть, кошачье бешенство.

Но неприятность произошла не с ним, а с неизвестным, пытавшимся без приглашения в столь поздний час нанести визит. Однако, после стычки с котом, неизвестно откуда взявшийся визитер, с еще большим визгом метнулся вглубь подъезда, подальше от квартиры.

– Что там было, Шериф? – спросила Валя, как будто надеялась, что животное ответит.

Кот улыбнулся.

Если бы ей когда-нибудь сказали, что коты умеют улыбаться, она бы не поверила, но сейчас своими собственными глазами видела кошачью довольную улыбку.

– Вы представляете, – на следующее утро Валентина рассказывала хозяйке кота, – сегодня ко мне ночью кто-то пытался проникнуть, и Шериф набросился на него, оторвав клочок одежды и оцарапав. Имея такого защитника, и собака ни к чему.

Довольная Ираида Фёдоровна погладила любимца и загадочно произнесла:

– Как Вы думаете, отчего его Шерифом назвали? Как раз за это качество. Он в обиду не даст.

– Как Ваш внук? Что-нибудь серьёзное? – поинтересовалась здоровьем Никиты Валентина.

– Ложная тревога. Сейчас всё нормально, уже бегают, – ответила соседка.

Валентина, проводив соседку, подошла к окну: ярко светило солнце. Под его лучами, омытый дождем, сиял позолотой, выдержавший битву со стихией, стойкий петушок, рекламируя окорочка своих собратьев по перу и мясу.

Настроение Вали улучшилось, все тревоги запрятались где-то в глубине души в ожидании повода лишний раз напугать хозяйку.

До обеда стояла хорошая погода. Потом неожиданно потемнело небо, и в стекло забарабанил дождь.

Валентина не знала, радоваться или огорчаться, опять на дверной ручке был привязан букет. Это уже четвертый. Хорошо хоть мужа нет дома, а то объясняй, откуда берутся цветы. Едва успела подумать, как начало бдеть недремлющее око Горыновны, соседки по площадке, заодно двоюродной тетки мужа.

Валя прикрыла букет, лихорадочно соображая, куда его деть, не оставляя улик. Дверь соседки приоткрылась:

– Че прячешь, думаешь, не вижу? Все Лешке расскажу, как приедет. Проститутка, – старушке недавно сломали два зуба, когда отнимали у магазина сумку.

В результате – Горыновна отделалась потерей жала, как съязвил нападавший, когда вносили его в машину «скорой помощи». У самого же разбойника после столкновения с пенсио-

неркой оказалась сломана рука, вывихнуто плечо и ушиблена нога. Могло бы быть хуже, не подоспей полиция вовремя. Пенсионерку еле оторвали от рецидивиста.

Но это потом стало известно, что старушка задержала жулика, которого несколько лет пытаются упрятать за решетку. А специализировался тот на ограблении старушек. Но, как говорится, не на ту старушку напал. Пенсионерка в этот момент мысленно формировала бюджет на месяц, но дебет с кредитом никак не сходился.

И тут в самый ответственный момент, в разгар мыслительного процесса, потянулась загребущая рука жулика к ее кошельку. Бабушка могла и убить за копейку, поэтому воришке сильно повезло, он отделался лишь сломанной конечностью.

От Горыновны весь дом рыдает. Она всегда все про всех знает, все видит и слышит. Но самое мерзкое, – эти сведения становятся достоянием гласности всего двора. С одной стороны в подъезде её боятся и на стенах граффити не рисуют, музыку громко не крутят и ругаются в квартирах шепотом.

Но с другой стороны, постоянно жить под колпаком, тоже ничего хорошего, оттого многие не выдерживают и стараются поменять место жительства. Вообще-то бабуську зовут Мария Георгиевна, но кто-то метко наделил ее более подходящим именем.

Вот и теперь Валентина пыталась спрятать от соседки компромат.

– Не успел муж отъехать, как ухажеры букеты возлагают. Ты кого провести хочешь? Меня? Да я тебя насквозь вижу! Еще как Леха на тебе жениться собрался, сразу сказала, кто ты есть. Приволок черти откуда, своих тут девок не было, а теперь рога чешет, и письма все Лехе отдам от хахаля твоего, пусть знает, с какой змеищей живет.

– Какие письма? – удивилась Валя.

– Во как заинтересовалась! Ждешь, значит. Место встречи изменить нельзя, – поволокло соседку.

Только тут Валентина заметила обрывок скотча и кусочек бумаги. Видно, письмо было сорвано вредной старушкой раньше, а букет оставлен с целью изобличить и устыдить.

– Мария Георгиевна, а Вы случайно не видели, кто это цветы кладет? Я, и правда, не знаю, зачем это все делается, не говорите Леше, он после операции, здоровье у него слабое, нервничать нельзя, – стала уговаривать старуху Валентина.

– Чего? О муже заперевживала? С кобелями застучала! Правильно, как мужик здоровый был, так нужен, а как приболел, так хвостом крутить начала. Все расскажу, даже не думай. Дурой прикинулась – не знает, кто ей веники носит. Даже не надейся! – соседка громко хлопнула дверью.

– Что, недремлющее око опять лютует? – шепотом поинтересовалась другая соседка по площадке, подходя к своей двери. Глазок в двери ожил, – Горыновна снова заняла позицию.

От греха подальше соседка юркнула в свою квартиру.

Валя побежала на работу, – начальница не любила опоздания. Проскользнуть незаметно все же не удалось. В дверях она столкнулась с заведующей отделом:

– Валентина Васильевна, это касается всех, и Вас в том числе. Вы ни разу за эту неделю не явились на работу вовремя, хоть на минуту, но опоздали. А если бы от Вас зависел полет в космос? Какая безответственность, – после высказанного замечания, Александра Петровна гордо удалилась на совещание, которое ежедневно проводилось в это время.

Многие подозревали, что эти многочасовые совещания имеют более важную стратегическую роль, нежели упомянутый полёт в космос. О чем там говорили, можно было только догадываться, потому что заведующая не имела привычки «отрываться» на подчиненных, гневаться и кричать, выплескивая негатив, как это делало вышестоящее руководство, которое максимально требовало, но минимально платило.

Александра Петровна, действительно, не понимала, как можно опаздывать, потому что сама приходила на работу с рассветом, а уходила затемно. Так же она не понимала значение

слов «отгул», «можно отпроситься» и все остальное в ущерб основному делу. У начальницы в голове не укладывалось: как можно за то, что ты занимаешься любимой работой, ощущая при этом счастье, вдруг лишать себя этой радости, пусть даже на какое-то время.

Будь ее воля, так она и выходные отменила, потому что у заведующей выходные тоже проходили на работе. Она этим жила, и по-другому свою жизнь не представляла: работа заменила ей семью – детей, мужа. А одиночество давило. Все это видели и понимали. Начальница была хоть и строгой, но доброй. Конечно, возглавляла она вовсе не космический центр, а всего-навсего один из отделов библиотеки.

У неё был редкий дар – по обрывку любой книги могла восстановить примерный текст и сказать, кто автор произведения и как оно называется.

В отделе работало четыре человека. По заведенному правилу все друг друга называли по имени и отчеству – никакой фамильярности заведующая между сотрудниками не признавала. Но почему-то Валентину редко кто называл Валентиной Васильевной, так уж сложилось, что для всех она была просто Валентиной.

– Смотри, что купила, – похвасталась Валентине коллега Елена Ивановна, протягивая чайную пару. – Александра Петровна в прошлый раз свою чашку разбила, вот я и подумала, а что, если чашку подарить?

Все знали, что дорогие подарки начальница не принимает, считая, что главное в процедуре поздравления – внимание.

– Красиво, – безучастно ответила Валентина.

– Ты из-за отмененного полета в космос расстроилась? – пошутила Елена Ивановна, – Александра Петровна отходчивая, ты же знаешь.

Валя повесила на спинку стула сумочку. Осталось куда-то выбросить букет. Оказывается, впопыхах, она его сюда притащила.

– Ой, ты догадалась купить цветы, – обрадовалась Елена Ивановна. – А я все думала, как улизнуть за букетом.

– Зачем? – удивилась Валентина.

– Неужели забыла? У Александры Петровны сегодня день рождения, – напомнила Вера Семеновна, перебирая карточки в каталожном ящике.

– И правда, забыла, к своему стыду, – призналась Валентина.

– Шестьдесят девять лет, неплохо сохранилась старушка, – сделала комплимент имениннице Елена Ивановна. – Значит, с цветами облом.

– Почему? – не поняла Валентина.

– Но это же твои цветы, – пояснила Елена Ивановна, глядя на букет, красиво упакованный, в руках Валентины. – Не стоит передаривать. Я сейчас схожу и куплю букет.

– Вот еще чего! – возмутилась Галина Федоровна. – Если ей не жалко, то пусть отдаст эти цветы. Какая разница, откуда они появились!

– Как-то неудобно, лучше действительно сходить и купить для именинницы цветы, – поддержала Елену Ивановну Валентина.

– Скажи, что жалко! А то ищешь причину для отказа, – возмутилась Галина Федоровна. Самое близкое слово для неё было халява.

– Они мне не нужны, можешь подарить, – легко согласилась Валентина. – Всё равно улизнуть с работы не получится.

– А кто это тебе подарил, если не секрет? – поинтересовалась Галина Федоровна, пытаясь справиться с завистью.

– Сама не знаю. Уже четвертый букет. Там еще письма прилагались, но Горыновна их экспроприировала, собирается мужу отдать. С утра такое орала! – поделилась своей тревогой Валя.

Но поговорить не удалось.

– Валентина Васильевна и Галина Федоровна, в рабочее время нужно работать, а не беседовать о личном, – сделала замечание только что вошедшая Александра Петровна, как всегда невозмутимая внешне.

Если бы подчиненные не знали, какими приходят с совещания заведующие других отделов, они бы решили, что совещания напоминают чаепития у директора и, кроме приятных новостей там ничего не озвучивается.

Однако, по коридору поволокло запахом валерьянки, за тонкими стенками других отделов доносились всхлипывания, угрозы, наконец-то, уволиться, сочувствующие реплики коллег.

В их отделе на посторонние темы беседовали только в отсутствие строгой начальницы. Многим, кто её не знал близко, она казалась сухой и бесчувственной, но её подчиненные знали, что это всего лишь маска. На самом деле это была чуткая и тактичная женщина. У неё была единственная слабость – боязнь остаться без любимой работы, которая составляет смысл её жизни.

Именины проходили традиционно: начальница угощала тортом, коллектив поздравлял. Но все это торжество было намечено в обеденный перерыв.

– Дорогая Александра Петровна, – произнесла Елена Ивановна, – поздравляем с днем рождения. Желаем здоровья, творческих побед на рабочем фронте. И дарим от коллектива подарок и цветы.

Именинница, расчувствовавшаяся, промокнула уголком платка слезу, торжественно налила в новую чашку чай и попросила:

– Принесите, пожалуйста, вазу с водой под цветы.

Но оказалось, этим цветам ваза не требовалась: хоть они и смахивали очень сильно на живые, на деле оказались искусственными.

– Что это? – опешила именинница, распаковав букет.

Мертвой красотой на нее смотрели восемь белых хризантем.

– Смерти моей ждете? Кресло мое занять? Хоть сейчас! – Александра Петровна гордо покинула торжественный банкет.

– Нет, это уж слишком, – поддержала именинницу Вера Семеновна и побежала следом за Александрой Петровной:

– Александра Петровна, никто на ваше место не покушается, – в кабинете слышались всхлипы именинницы.

В этом Вера Семеновна была права. Разница в зарплате составляла три копейки, а ответственность огромная. И ночевать в библиотеке, как это делала начальница, нет уж, увольте, таких патриотов в этом отделе нет.

– Ты что не знала, что они искусственные? – удивилась Елена Ивановна.

– Я их даже не разворачивала. Хотела где-нибудь выкинуть по дороге, но забыла, – расстроилась Валентина.

– Понятно. Интересный у тебя, однако, ухажер, – усмехнулась Галина Федоровна, наливая себе чай. Никакая неприятность не могла испортить ей аппетит.

– И вы туда же! Сейчас Леша придет, а тетка ему гадости наговорит, как объяснить – даже не знаю, – расстроилась Валентина.

– Если бы живые цветы, тогда понятно, а что этот выпад означает, ума не приложу. Может быть, сама Горыновна и провоцирует на скандал с мужем, она же тебя всю жизнь ненавидела, – предположила Елена Ивановна.

– Вряд ли. Она слишком прямолинейна, на такие интриги у нее ума не хватит, – Валентина не согласилась с ней.

На пороге показалась все такая же спокойная, как будто ничего не произошло, Александра Петровна:

– Валентина Васильевна, зайдите ко мне, – произнесла она начальствующим тоном, выработанным долгими годами власти.

– Ну все, похоже, уволят, – других соображений, почему удостоилась тет-а-тет, у Вали не было.

– Валентина Васильевна, это ведь Ваш букет? – поинтересовалась начальница.

– Да, – вздохнула Валентина и приготовилась к худшей развязке. Преподнеси ей кто-нибудь от чистого сердца такой букетик, тоже бы оскорбилась. Хотя о чём это она? Ведь ей же преподнесли, правда, не на торжество.

– Я Вас, наверное, чем-то обидела? Я знаю, бываю иногда жестка с подчиненными. Простите, если что не так, – Александра Петровна вдруг произнесла неожиданную фразу.

– Что Вы, Александра Петровна, это просто недоразумение! Этот букет висел на моей двери, я его не рассматривала, хотела по дороге выбросить, а тут именины, меня попросили Вам подарить. Я не знала, что букет искусственный. Муж в отъезде, а кто-то букеты дарит. Соседка обвиняет, что любовник, не знаю, что думать. Зачем любовнику дарить мертвые цветы? Хотя я не думала, что они искусственные, ведь все подумали, что живые, такие красивые, хотели Вас порадовать, извините, мы не хотели Вас обидеть.

– Действительно, странно, может быть в полицию обратиться? – оживилась заведующая отделом, убедившись, что никто не покушается на ее кресло.

– А что это даст? Ну, дарит и дарит, что тут такого, не ограбил, не убил, – сказала Валентина.

Глава 2

Неожиданно из-за кустов с лаем выскочило чудовище-плод любви бульдога и болонки. Монстр надрывался от лая, норовя оторвать кусок конечности не так посмотревшей на него женщины.

– Жуля, ко мне! – кричала владелица этого чудовища. – Она, вообще-то, спокойная, но иногда бывает, что ни с того, ни с сего набрасывается. Говорят, это из-за генетического сбоя. Нельзя скрещивать собак разных пород, потому что щенки становятся очень агрессивными и неуправляемыми.

– И еще страшными, – вертелось в голове у Валентины, но вслух она ничего не сказала, чтобы не обидеть хозяйку собаки.

– Из-за Жули у меня много развелось врагов, всех она раздражает, каждый норовит обидеть собачку. То она пугает их своим поведением, то громко лает, но самое смешное из всех этих претензий, оказывается, моя Жулечка отвратительно выглядит. Вы себе можете представить: моя красавица, видите ли, – урод, – жаловалась соседке проживающая в соседнем подъезде Вероника Анатольевна.

То, что было на уме у собеседницы, пенсионерке было неизвестно, но она была убеждена, что только у мерзких людей такая милая собачка может вызвать отвращение, а Валентина, по её внутреннему убеждению, к ним не относилась.

Валя сделала слабую попытку проститься со словоохотливой женщиной, но та, соскучившись по общению, остановила её, желая поделиться расправившими её новостями.

– Как, по-Вашему, я хорошо выгляжу? – поинтересовалась она с некоторым вызовом, демонстрируя экстравагантную шляпку с набором десерта на голове: гроздь винограда, горсть клубнички, дольки апельсинов. Такое надеть на себя могла позволить не каждая молодая женщина, рискуя быть посмешищем, но пенсионерке эта шляпа очень шла.

– Замечательно, очень молодо, – искренне ответила Валентина. И это было правдой, потому что шестидесятилетняя женщина выглядела на пятнадцать лет моложе своего возраста.

– И заметьте, Валентина, волосы я не подкрашиваю, даже в парикмахерской удивляются, что у меня нет ни единой седины.

Старушкой её назвать не повернулся бы язык ни у кого.

– Мне бы так выглядеть в её годы, если доживу, конечно, – позавидовала девушка.

И, словно прочитав мысли собеседницы, соседка стала объяснять, что нужно делать, чтобы так сохраниться:

– Конечно, главную роль играет генетика, у меня в роду доживали до ста лет, выглядели при этом не старше шестидесяти. Никаких подтяжек и импортных кремов. Один дедовский способ: взять сырое полотенце и бить себя по лицу, такой хороший массаж! А потом уже умыться настоем трав, для каждой кожи существует свой рецепт.

У Вероники Анатольевны на лице не было ни одной морщинки; брови, ресницы и волосы на голове одинаково черного цвета. Черные глаза не обесцветились, были всё такие же яркие.

Обычно, возраст женщины выдают руки и шея, но и здесь всё было в порядке. Годы выдавал лишь взгляд умудренной жизненным опытом женщины, а его не скроешь.

– И еще один секрет моей молодости, Валентина, я никогда не пропускаю через себя негативную информацию: новости не смотрю, газеты не читаю.

Моё любимое занятие – чтение любовных романов, но не о современной жизни, это я не люблю, а там, где графы, маркизы и обязательно исторические сведения. Такое блаженство – лечь на диван и побывать в Англии или Франции! В библиотеках читать нечего, поэтому приходится в книжных магазинах книги приобретать.

И что Вы думаете, судьба столкнула меня с Вячеславом Иннокентьевичем, тоже пенсионером. Мы пару раз встретились у книжной полки, и он проводил меня до дома. На днях сделал предложение руки и сердца, хотя моложе меня на восемь лет!

– Я так рада за Вас, поздравляю! – искренне восхитилась Валя.

– Да какие могут быть поздравления, – отмахнулась пенсионерка. – Нет, с одной стороны приятно, что еще нравишься мужчинам, но с другой стороны, это такая ответственность, к которой я не готова.

Валентина мысленно удивилась:

– Многие бы хотели оказаться на месте Вероники Анатольевны, но судьба им такого шанса не дает. Интересно, была ли она вообще замужем? – во всяком случае, во дворе Валентина не замечала её ни с одним мужчиной.

И вновь, словно прочитав мысли Валентины, Вероника Анатольевна продолжила свои рассуждения о пользе и вреде замужества:

– Многие не понимают, как женщина с такой внешностью, как у меня, не вышла замуж. Я вот что скажу: замуж попасть, да замужем бы не пропасть. Я знаю цену своей красоте, а в юности я была соответственно еще красивей, находили сходство с самой Элиной Быстрицкой, хотя молодость – сама по себе уже является украшением. Женихов было много, довыбиралась до тридцати пяти лет. Замуж надо выходить пораньше, лет так в двадцать, иначе потом сложнее, придется менять устоявшиеся привычки. Нет, смолоду легче приспособливаться к другому человеку, – как будто убеждала саму себя пенсионерка. – Так что в тридцать пять лет я впервые вышла замуж, и не от большой любви, а чтобы испытать это состояние: что значит, быть замужем. Муж поначалу казался приличным человеком, пока встречались, но стоило пожениться, куда что делось. Я не плохая хозяйка: вкусно готовлю, неряхой тоже не была, ни он ни я в грязном не ходили – и стирала, и гладила. Но если муж видел, что я присела с книгой в руке, начинал нервничать, водил пальцем по телевизору, находя пыль. Я не конфликтный человек, но однажды не выдержала и сказала:

– «Может быть, возьмешь тряпку и сам вытрешь пыль, чем вот так демонстративно собирать её пальцем?» Лучше бы, не говорила!

Последней каплей стал фильм. В то время стали появляться видеосалоны и там всякие иностранные фильмы демонстрировались. Я стеснялась того, что зрение плохое, читать еще без очков могла, а далеко ничего не видела, всё расплывалось. От мужа этот факт скрывала. Пришли мы в какую-то тесную комнату, где находилось человек двадцать зрителей. Стали демонстрировать фильм на маленьком экране телевизора, всё без переводчика: какое-то вошканье, ползанье, ни сюжета, ни каких-либо других действий.

Только: по-русски, кричат «Я, я», причем он и она. Короче, ничего не поняла.

Домой пришли, муж требует, чтобы всё было как в фильме. Что я могу сказать? Что ничего не разглядела? И не понятно было, почему я должна играть героиню этого фильма. Из всего, что я там слышала, могла прокричать: «Я, я». И не соображу до сих пор, почему там так сильно дышали, как паровозы на вокзале. Иногда думаю, может это детектив был и под тяжестью трупов так задыхались? Скорее всего, и действие в морге происходило, потому, как все без одежды были. Тогда, наверное, это был фильм ужасов.

Здоровье у меня в те годы было отменное, никакой одышки, поэтому требование мужа не поняла и обиделась. А тот как заорал: «Или дыши как в фильме или я уйду!»

Я только что взяла у знакомой хороший роман, увлеклась, поэтому как ушел муж, даже не слышала. Потом он то и дело возвращался, то любимую ложку забыл, то зубную щетку, несколько раз приходил за катушками ниток, но я не отвлекалась на его просьбы поговорить. У герцога как раз похитили любимую жену, и мне хотелось поскорее узнать, как скоро ее спасут. В конце концов, он бросил в меня связкой ключей и хлопнул дверью так, что её заклинило.

Совсем мало замужем побывала и не жалею. Спустя годы встретила бывшего мужа с очень полной молодой женщиной, еле шла с такой одышкой, похоже, астмой страдала. Я и подумала: «Нашел, наконец-то свой идеал». Правда, приятно было, что заметил разницу: как я выгляжу и его новая жена. Даже глаза запотели, как меня увидел, подбежал ко мне, чтобы поговорить, но я в автобус забежала. К чему прошлое ворошить?

Мой первый муж прочно закодировал меня от повторного замужества.

А теперь Вячеслав Иннокентьевич хочет, чтобы я вошла в одну реку дважды. Пришлось ему отказать, я человек самодостаточный, мне с собой не скучно. А вдруг Жуля его будет раздражать, к чему мне проблемы лишние! Когда он намекнул, что женщине нужен мужчина, я ответила: «В этом отношении могу только по телефону подышать». Для себя я решила: буду жить одна, а Вячеслава Иннокентьевича познакомлю со своей приятельницей – Елизаветой Филипповной. Она типичная домохозяйка – не может, чтоб о ком-нибудь не заботиться. И потом у них найдется общее увлечение: что он, что она любят в земле ковыряться – всякие цветочки, ягодки выращивать, а я умею только ими любоваться.

К тому же, Елизавета Филипповна очень несчастна. Не так давно у неё умерла дочь, теперь в одной квартире с зятем живет. Он, как напьется, из дома её выгоняет, хотя квартира принадлежит ей, а зять там прописан. В своё время пошла на уговоры дочери и прописала бывшего уголовника, а теперь трясется от страха, у соседей, бывает, ночует. Елизавета Филипповна любит комнатные цветы, все про них знает, они для нее, как для меня моя Жуля. Но зять, уже в который раз, её цветы из окна выбрасывает. Может быть, познакомлю приятельницу с Вячеславом Иннокентьевичем, у него собственная квартира есть. Кстати, Валентина, всё забываю Вам рассказать, хотя не понимаю, что это может дать: видела Вашего мужа с зятем Елизаветы Филипповны. Еще подумала: что у них может быть общего? Ваш муж, вроде бы, приличный человек, а Николай алкоголик и по нему тюрьма плачет.

– Когда Вы их видели вместе? – тут же оживилась от полученной информации Валя.

– Было очень поздно, шёл сильный дождь, мы с Жулей в скверике гуляли. Смотрю, о чем-то мужчины беседуют, правда, очень темно было, но все равно я различила их лица. На другой день я увидела во дворе Николая с поцарапанным лицом.

– Надо выяснить, что у этого Николая с Алексеем, – решила Валентина. Но надобность в беседе тут же отпала: сначала из комнаты приятельницы соседки послышался звон разбитого стекла, затем последовали цветочные горшки.

– Не для меня цветут сады, – раздавалось пение зятя, когда он стал выталкивать большую пальму с подоконника, но зацепившись за ветки, выпал из окна вместе с лебединой песней и цветочным горшком.

Приехавшая «скорая помощь» констатировала смерть.

Слова песни оказались пророческими, правда, пролетев с пятого этажа, сады свою свежесть не потеряли, разбились лишь горшки, чего не скажешь про зятя.

– Грех такое говорить, но теперь хоть Лизу не будет мучить своими издевательствами. – Словоохотливая соседка, подзвав собаку, отправилась домой.

А Валентина обдумывала, что может связывать Алексея с таким человеком, как зять Елизаветы Филипповны. Но что бы это ни было, теперь об этом узнать уже не суждено.

Судя по всему, это была та самая ночь, когда кот Шериф набросился на незваного гостя, лицо которого она не разглядела. И находился ли с Николаем её муж Алексей, учитывая, что дело происходило ночью, а со зрением у соседки проблемы, уверенности не было.

Ведь, судя по рассказам, зрение у Вероники Анатольевны было отвратительным, это мог быть кто угодно. Тем более, что у Алексея нет привычки гулять по ночам.

Эта тонкая связующая ниточка оборвалась только что вместе с упавшей пальмой.

Делать что-либо не хотелось, все валилось из рук. Свое состояние Валентина не могла объяснить ничем.

– Ты в последнее время какая-то потерянная, – прошептала Елена Ивановна, – что случилось?

– Ничего. Не могу объяснить. Говорят: «душа плачет», так у меня она воеет. Не знаю, что делать, постоянное ощущение тревоги. Снова этот сон из прошлого. Помнишь, я тебе как-то рассказывала? Мне он всегда снится перед знаковыми событиями и не всегда хорошими.

На протяжении жизни этот сон снился Вале несколько раз. Такие сны называют знакомыми, или вещими. Она не помнила, насколько он сбывался, просто это потом, позже, стала задумываться и то, после случайно подвернувшейся статьи в журнале, где говорилось, что повторяющимся снам надо придавать значение.

Сон был какой-то нереальный. Себя она не видела, но знала, что в этом сне присутствует. Сначала перед Валею ниоткуда появляется белоснежный замок неземной красоты, он как будто парит над водой. Чтобы войти в него, необходимо пройти по столь же изящному мосту. Около замка разбит прекрасный сад с экзотическими деревьями и цветами, дополняют эту красоту изящные фонтаны и скульптуры.

Валентина входя в замок, не сомневалась, что внутри предстанет перед ней восхитительное убранство комнат. Девушка четко различала изображения на старинных картинах, но не спеша и не останавливаясь, двигалась куда-то вглубь замка и всегда оказывалась в одном и том же месте. Она наблюдала две комнаты: черную и розовую.

Посетительница могла иметь возможность оценить их убранство, чувствовала, что эти комнаты принадлежат женщинам, или женщине. Ей очень хотелось заглянуть внутрь черной комнаты. Краем глаза замечала сидящую вполборота не очень красивую грустную женщину в черной одежде. Но женщина её не замечала.

В другой комнате под балдахином стояла странная кровать, почти квадратная, и не понятно было, как на ней можно спать. Покрывало и подушки были ярко розового цвета. Валя знала, что она попала сюда не случайно: ей предстоит сделать выбор, войти в одну из этих комнат. И оттого, как поступит, будет зависеть вся дальнейшая жизнь.

Но ни одного шага Валентина не сделала: в нерешительности переминалась с ноги на ногу и просыпалась с ощущением неудовлетворенности своей нерешительностью. Когда она рассказала коллегам о своем сне, все отнеслись по-разному.

Елена Ивановна, которую Валя выделяла из коллег и порой доверяла незначительные секреты, объяснила этот сон так:

– Позвони детям, узнай, как они, – посоветовала Елена.

– Звонила. Все у них хорошо. Муж дважды снился в каком-то странном месте и звал меня.

– Ну тогда понятно, – рассмеялась Елена, – с этого бы и начала.

У Валентины не было подруг. В семье мужа категорически не позволялось приводить в дом друзей, ходить к кому-либо в гости, даже разговоры по телефону не приветствовались. Считалось, что всё это способствует «выносу мусора из избы».

Много лет проработав с Еленой Ивановной, Валентина считала ее своей подругой, иногда делилась своими мыслями и проблемами. В Елене привлекало её философское отношение к жизни, спокойствие в любых ситуациях, ироничность, всё, чего не хватало Валентине.

Кроме того, Елена Ивановна была очень начитана, разбиралась во многих вопросах и была очень интересной собеседницей. Ко всему прочему, она знала наизусть почти всю русскую поэзию, не понятно было многим, как она это всё помнит.

Все знали, что Валентина места себе не находит в разлуке с мужем. Постоянно нагоняет на себя каких-то страхов. А если он не звонил, что бывало частенько, то готова была обежать все морги и больницы, а то часами простаивая у окна и всматриваясь в тревожную ночную неизвестность.

– Нельзя так любить мужиков, – убеждала её Елена Ивановна.

Иногда, в отсутствие начальства, в отделе разгоралась полемика на эту тему.

– Мужчина должен любить женщину, а женщина должна позволять любить себя. Семьи, где женщина безумно любит мужчину, а он позволяет себя любить, как правило, не очень прочные, – считала умудрённая большим семейным опытом коллега.

– Вот ты всех в гроб и загнала раньше времени, – сказала Галина Федоровна.

В отделе, так уж получилось, работали две Поповы, причем не родственницы.

Тезки очень не любили друг друга, иногда между ними пробивалась искра такой ненависти, что неуютно становилось всем присутствующим.

– Как ты можешь общаться с этой безмозглой дамой, – возмущалась Елена Ивановна, заметив, как Валя беседует с Галей. – Это же бездушное, завистливое и злое существо.

Валентина не знала, кто кому перешел дорогу, но на чью-либо сторону вставать не хотела: общалась с обеими. Многие предполагали, что раз обеих женщин объединяет общая фамилия, то, скорее всего, когда-то они не поделили некоего Попова. А кто кому родня, выяснить было сложно.

Однажды, понаблюдав эту холодную войну, начальница вызвала их в кабинет и предложила одной из них написать заявление о переводе в другой отдел, но они отказались, пообещав на работе разборки не устраивать. Конечно, до драк дело не доходило, но испепеляющие взгляды, как лазерные лучи, пересекались от одной к другой.

– О чем ты с Ленкой говорила, обо мне сплетничали? Она – черная вдова, от нее подальше нужно держаться, говорят, заразно, – высказалась Галина Федоровна.

– Тебе-то чего опасаться, замужество тебе не грозит, если до сорока лет никто не взял, – отпарировала Елена.

Елена Ивановна на «черную вдову» не обиделась, она и сама себя так называла, просто любила, чтобы последнее слово было за ней. За свои неполные сорок лет она схоронила пятерых мужей.

– Вчера познакомилась на улице с мужичком, весь такой из себя, симпатичный. Тут же предложил руку и сердце, – не преминула похвастаться Елена Ивановна.

– Надеюсь, рассказала о себе? – подала голос Галина Федоровна.

– Конечно, я честный человек, не стараюсь выглядеть лучше, чем есть, не то, что некоторые, – усмехнулась тёзка, заметив жгучую зависть коллеги.

– А он? – с ненавистью посмотрела на неё Галина.

– Безумный, как все влюбленные мужчины, – только вздохнула Елена. – Мне порой кажется, что их опасность возбуждает.

Елена Ивановна не лукавила, когда говорила, что мужики от нее без ума. Именно это сколько раз наблюдала Валентина. В любой компании, где бы ни появилась Лена, обязательно для нее находился кавалер, нежно упрещающий все возможные пожелания дамы.

Обидней всего было ярким уверенным в себе красавицам – только положишь глаз на какого-нибудь перспективного мужичка, наведешь справки о его состоянии, и на тебе, увели из-под носа. Понятно, если это была стоящая конкурентка, но вручить почти твое какой-то замурышке, это не поддавалось объяснению.

Действительно, Елена Ивановна не обладала яркой внешностью, невысокая, светло-русые волосы, обычное среднестатистическое лицо россиянки. Пожалуй, необычными были только глаза, умные и настолько непонятного цвета, постоянно меняющие свою окраску в зависимости от настроения, от темно-вишневого до дымчато-серого, что хотелось их понять и погрузиться в их омут.

При этом специально Елена Ивановна ничего не делала, чтобы понравиться противоположному полу – не строила глазки, на внешность уделяла минимум внимания, косметичка отсутствовала за ненадобностью, лишь по великим праздникам позволяла себе красить губы, а из одежды предпочитала джинсы и свитер.

Свою фигуру она постоянно держала в жестких рамках, зарядка и ограничение в калорийных продуктах, оттого похожа была на мальчика-подростка.

Единственную роскошь, которую себе позволяла – отпуск проводить в разных странах. При тех сбережениях, что оставили ей мужья, можно было вообще не работать, учитывая библиотечную зарплату.

– Бизнесом я не умею заниматься, а тупо сидеть дома не хочу, – однажды она поделилась с Валентиной, почему не оставит работу.

– С жиру некоторые бесятся, – сгорала от зависти Галина Федоровна. – Я бы минуты не стала работать, будь у меня такие деньжищи.

– Ну, насчет жиру это не ко мне, – тут же среагировала Елена Ивановна. Иногда создавалось впечатление, что деньги не играют для нее никакого значения, во всяком случае, по ней это было незаметно.

– Одни сто раз замуж сходят, а другие ни разу, одним все, другим – ничего. Где справедливость? – возмущалась Галина Федоровна.

Где тут не согласиться. К своим сорока двум годам она, что только не предпринимала, чтобы окольцевать хоть кого-нибудь. Но столько от нее исходило агрессии, решимости, что мужики боялись подойти к ней на пушечный выстрел.

Однажды в компании Галина решила положить конец своему одиночеству и, присмотрев подходящего кандидата, стала его охмурять. То ли девушка была не в его вкусе, но вскоре он, пользуясь тем, что она отошла «попудрить носик», пригласил на танец женщину, на которую тайно пялился весь вечер.

Когда Галя вышла из туалетной комнаты и увидела довольную парочку, ее гневу не было предела. Она тут же отшвырнула их друг от друга и поволокла сопротивляющегося мужчину подальше от недоумевающей партнерши.

Этот конфликт очень развеселил скучающую к концу вечера публику. Но в коллективе, глядя на ее пусть неправильные попытки устроить свою судьбу, в основном, жалели.

– Галя, ну нельзя же так откровенно, – пыталась наставить ее Валентина.

– Ага, жди потом, когда на тебя позарятся. Скоро климакс наступит, я ни разу замужем не была. Тебе легко говорить – муж есть.

Глава 3

С двумя Поповыми Валентина проработала достаточно, и сколько помнит Галю, это лихорадочное желание обзавестись супругом ни к чему не приводило.

– Галина Фёдоровна, – однажды подошла к ней председатель профсоюза, – предлагаем Вам путевку на курорт, здесь Вас все знают, может быть, там найдете свое счастье.

Конечно, сказано было профсоюзным деятелем от чистого сердца, но прозвучало, как только что в рассказанном анекдоте Елены Ивановны:

– Приходит Сара и жалуется Абраму: «Абрам, я ходила на рынок, а меня там назвали нехорошим словом, что мне делать? – Я тебе всегда говорил, Сарочка, не ходи туда, где тебя хорошо знают.»

Все просто со смеху попадали, когда за Галиной и председателем профсоюза закрылась дверь.

Конечно, на курорте Галина Фёдоровна отвела душеньку, но как всегда безрезультатно. Она не пропустила ни одной дискотеки, везде проникала в места скопления мужчин, но все срывались с крючка.

– Представь, – жаловалась она Валентине, – мне всего тридцать пять, красавица, и никого. Как ослепли! Какие-то швабры пятидесятилетние – смотреть не на что, а отхватили себе по мужику, одна я как дура проходила, даже пенсионеры шестидесятилетние не клюнули.

Рассказывают, первые агрессивные попытки выйти замуж Галя начала лет с двадцати двух. Однажды она принесла в библиотеку мужские рубашки, на вопрос, кому же ты купила эти рубашки, та ответила бесхитростно:

– Мужу.

А далее по уже отработанному сценарию:

– Мужа нет, но скоро будет и кто он, пока не знаю.

На разумный вопрос, а откуда ты знаешь, какого он будет размера, Галя находчиво ответила:

– Размер не знаю, поэтому набрала рубашки от сорок четвертого до пятьдесят второго размера.

Порой хотелось спустя время поинтересоваться судьбой рубашек, но никто не рискнул.

Поэтому Валентина всегда заступалась за Галю:

– Невезучая она, оттого и злится.

– У нее слишком завышенная самооценка, – не соглашалась Елена Ивановна. – «Я самая красивая!» – передразнила она тезку. – Хоть бы в зеркало посмотрела, или у человека вообще эстетический вкус отсутствует: неряха, обжора, больше похожа на Нуф-Нуфа, чем на молодую женщину. Согласись, мы ровесницы, а она мне за мамашу сойдет. Какая к черту красота-нос картошкой, глазки поросячьи, еще волосы в черти какой цвет красит-Сеньор Помидор. Я пробовала ей объяснить, но все бесполезно, стала врагом, «который ей завидует».

В чем-то не согласиться с Еленой Ивановной было нельзя. Действительно, красавицей Галину Фёдоровну мог назвать лишь слепой. Но все равно и она имела право на простое бабское счастье.

Галя своей тягой к созданию семейного очага и выходками в связи с этим уже никого не удивляла. Станным было, когда она прекращала суету, связанную с замужеством. В такие редкие моменты Галя становилась отрешенной от всего мира, ни с кем не общалась, даже не реагировала на Елену Ивановну. В такой депрессии Галина Федоровна находилась совсем недолго, пока не показывался на горизонте очередной принц её грёз:

– Вот всегда так! – ныла Галина, – только познакомишься, а надеть нечего.

– Меньше ешь, не придется часто одежду менять, чтобы в размер попасть, – ехидно посоветовала её худенькая тёзка.

Странно, но Галина Федоровна в этот раз даже не обиделась:

– Сегодня у меня свидание: с мужиком одним познакомилась. Взяла ключи от квартиры у подруги, пока она в командировке, – поделилась радостью Галина Фёдоровна.

В свою она привести не могла, так как проживала со своей матерью.

– А почему не у него, бесквартирный что ли? – поинтересовалась другая Лена.

– Есть у него квартира, только там жена живет! – объяснила Галина Фёдоровна.

– В смысле, – разошлись? – уточнила Елена Ивановна.

– Нет, не разошлись. Жена – не стена, пододвинется, – захихикала разлучница.

– А если б тебя кто-нибудь пододвинул? – возмутилась аморальным поведением коллеги сторонница устойчивого брака Валентина.

– Ее не пододвинут, разве только Олимпийская чемпионка по поднятию тяжести, – поддакнула Елена.

Но этими колкостями с намеченной цели Галину Фёдоровну сдвинуть было невозможно.

– Мужчина-то хоть симпатичный? – вмешалась Валентина, чтобы разрядить обстановку.

– Да так себе, чмо-чмом, – дала оценку своему новому ухажеру Галина Фёдоровна.

– Тогда зачем он тебе? – удивилась Елена Ивановна, – только семью разрушишь.

– На вред. Пусть и мне завидуют, – захихикала разрушительница семейного очага.

– Это уже паранойя, – определила Елена Ивановна.

– Я бы вам и не рассказала, но помощь нужна, – как ни в чем не бывало продолжала искушительница. – Нижнего белья подходящего нет, не могу же на свидание в чем попало предстать.

– От нас-то что нужно? Мое, например, только на мизинец натянешь, – съязвила Елена.

– До полочки занять. Я присмотрела в секс-шопе обалденный комплект, но денег не хватило, в обед смотаюсь, – сменила свой раздражённый тон Галина Федоровна.

– Хоть бы инфаркт партнера не хватил, вдруг так обалдеет от увиденного, – сказала Елена Ивановна.

На другой день Галина Федоровна, мало того, что опоздала на работу, так еще явилась с опухшим от слез лицом.

– Ты чего, Галя? Случилось что-то? – спросила Валентина.

– Случилось! Понесла в магазин комплект, а они не принимают, и деньги не возвращают, – возмутилась поведением работников секс-шопа покупательница.

– Так это же нижнее белье, конечно, его не примут, радуйся, вдруг еще пригодится, – попыталась объяснить ей Елена Ивановна.

– Не пригодится, – буркнула Галина.

– Что поссорилась с принцем? – поинтересовалась Елена Ивановна.

– Нет, вовсе не ссорилась, он просто из окна на кобылу запрыгнул и ускакал, – разрыдалась Галина. – Ну почему мне так не везёт. Видно, правда, на мне венец безбрачия.

Валя захлопала ресницами:

– Как это? Что случилось, расскажи, может быть, ничего страшного, а ты больше, как обычно, додумываешь, – успокаивала она несчастную женщину.

Оказывается, Галина Федоровна накрыла на стол и, пока нервничала, незаметно съела все выставленные деликатесы, потому что когда она нервничала, ее аппетиту не было границ.

Однажды не заметила, как одна оприходовала десятилитровую кастрюлю лапши, приготовленную на поминки не очень близкого родственника. Хорошо хоть, у нее отсутствовала жажда, иначе бутылка молдавского вина не дождалась бы предмета галиной страсти в этот раз.

Наконец, раздался звонок. На пороге с чахлым букетиком из сорванных, похоже, у подъезда ромашек, стоял принц, больше напоминавший загнанного коня.

– Вот, – волнуясь, желанный гость протянул женщине изрядно помятый букетик и бутылку водки.

Видя замешательство мужика, Галя взяла быка за рога:

– Открывайте, – протянула бутылку вина.

– А может, водочки? – неуверенно предложил потенциальный любовник.

– Водку не пью и Вам не советую, – твердо сказала соблазнительница.

Мужичок скис, не зная, что делать: вино он не любил. Это была его первая ходка «налево», поэтому в пиджаке была припасена вторая бутылка сорокаградусной жидкости. Глядя на красавицу, мужик грустно думал: здесь даже двумя бутылками не обойдешься.

Галина приняла противозачаточную пилюлю, действие которой заканчивалось через час. Поэтому на всякие антимионии времени не было. Решительным движением она распахнула халатик.

От того что мужик увидел, он рухнул в обморок, успев схватить мысль: «Первый раз решил согрешить, да и то не понять с кем». Огромная грудь плавно переходила в два торчащих мужских достоинства, а ниже пупка торчал еще один, который и поверг мужика к потере сознания: такого он и в бане не видел.

Не ведая, что с ним собираются здесь делать, организм не справился и уложил хозяина на пол, сохранив тем самым психику. Пока любовница бегала за водой, чтобы привести ухажера в чувство, тот пришел в сознание и сиганул из окна.

Если бы внизу, и правда, стоял конь, то он бы умер от смеха, успев поржать остаток жизни над седоком. Предмет эротических грёз позорно капитулировал с поля любви. Весь вечер Галя рыдала, а теперь еще ненужное белье – прозрачные стринги и такой же невидимый бюстгальтер с эротическими причиндалами.

Но эта история имела продолжение. Примерно через неделю на пороге отдела появилась женщина с добрым простым лицом:

– Здравствуйте, это Вы – Попова? – почему-то из всех присутствующих она безошибочно выбрала Галину Фёдоровну.

– Здесь две Поповы, Вам которая нужна? – дала о себе знать Елена Ивановна.

– Нет, это Вы. Ваня правильно Вас описал. Вот Вам, – женщина подала ей флакон дешевых духов, – возьмите, от всей души.

– За что? – опешила Галина. Подарки ей мало кто дарил, а чтоб от всей души, так это вообще редкость.

– Мой все рассказал, как Вы его напугали, он первый раз пошел на... как попрличней выразиться, – женщина долго не могла подобрать подходящее слово, обозначающее то, на что отважился ее муж.

– Адюльтер, – подсказала Елена Ивановна.

– А-а, – протянула женщина, видимо, не понимая, что это значит. – Короче, как его, – секс на стороне, не хотелось бы Вас обидеть, – вдруг нашла она приличное слово. – Теперь уж точно по бабам шастать не будет, пусть и мне не достанется, но и другим Ваньки не видать. Тяжело Вам, наверное, не все понимают, если уж мой так перепугался. К врачу водила, как его... сексопатологоанатом, – с трудом выговорила трудное слово женщина. – Даже к психическому врачу. «Всё, – говорит, – не лечится».

– Почему тяжело ей? – поинтересовалась Елена Ивановна, выделив из многих фраз, сказанных обманутой женой, именно эту, очень заинтересовавшую её.

– Ну, как же! – стала объяснять непонятливой женщина, – вон Памела Андерсон сиськи себе накачала, и то народ не понимает, а тут члены пришить! Как вы на такое решились, стать трансвеститом? Я всем про Вас рассказываю, хоть, говорю, не понять кто, а все же моего от гулянок отвадило. Ничего, у нас в деревне тоже Ваня-Маня жил, но он такой родился...

Увидев, что лицо Гали наливается кровью, женщина ретировалась:

– Ой, что-то я у Вас заболталась, – счастливая женщина бочком стала пробиваться к двери, напоследок добавив с заискивающей улыбкой:

– Хорошо, что Вы, а то попалась бы какая-нибудь наподобие этой, и она ткнула пальцем в другую Попову, – и всё, увела бы из семьи. А после Вас он уже не ходок по этой части. Сроду так хорошо не жили, пылинки с меня сдувает, боится, что брошу.

Такого унижения Галина Федоровна еще не испытывала. Со злостью она швырнула флакон духов с мусорную корзину.

Вера Семеновна, ещё одна работница отдела, устроилась в библиотеку относительно недавно по сравнению с другими. И все эти события пропустила потому, как находилась на больничном, вроде как с гриппом, но коллеги догадывались, что без мужа не обошлось. Она была очень красивой: яркая брюнетка с огромными глазами чайного цвета. К тому же хорошая хозяйка, оттого и не понятно, что она нашла особенного в своей негаснущей любви-деградировавшем алкоголике, с которым кочует из города в город в течение семнадцати лет совместной жизни.

Её Иванович когда-то пел в ресторане, чем и взял, а потом спился, нигде не работал и жили на то, что приносила домой Вера Семёновна.

При этом мужа она искренне считала главой семьи и без одобрения супруга ничего не делалось. В любой его дурости она видела проблеск юмора, который оценить по достоинству могли лишь они вдвоём.

– Мой Иванович рассказывает: «Вчера домой торопился. С друзьями на стадионе так хорошо посидели, я говорю, домой надо, жена ждет». И бегом побежал: «Бегу, бегу, а до выхода далеко, бежал, пока не упал. Чуть не загнал себя. Потом лежу и соображаю: дорожка-то круговая», – стала смеяться Вера Семёновна, вытирая от смеха слезы.

– Да-а, – протянула Елена Ивановна, – очень смешно, бред пьяного дурака.

Вера Семеновна обиделась:

– Юмор не понимаете.

Лишь однажды Вера Семёновна в сердцах высказалась про Иванoviча:

– Я не знаю, что ему еще надо: накормлен, напоен, обстиран, не упрекаю ни в чем, живет, как хочет, ублажаю во всем, а всё равно-хуже меня нет никого, и поэтому с горя пьет. Нет, он прав, если бы не я, у него бы все сложилось, как нужно, – тут же изменила свою точку зрения Вера Семёновна, началось бурное самобичевание.

Когда Вера Семеновна сняла темные очки, во весь глаз красовалось фиолетовое пятно.

– «У бедного кузнечика вывихнуто плечико, не прыгает, не скачет он, а громко-громко плачет он», – процитировала Галя. – Да гони ты его!

– Хорошо советовать, когда у самой и такого нету, – огрызнулась Вера Семеновна.

Задетая за живое, Галина замолчала.

– А знаешь, Галка права, – вдруг проявила солидарность её тёзка, что было крайне редко. – Гони его. Смотрю на тебя и диву даюсь: такая роскошная женщина и со своим плюгавеньким мужичком разобратся не можешь. Давно бы уже нормального нашла, сколько можно перевоспитывать.

– Вот переедем куда-нибудь, там он от своих друзей-алкашей отойдет, – мечтательно произнесла Вера Семёновна.

– Сколько раз ты с ним переезжала? Раз десять? И что – бросил пить? Свинья всегда грязи найдет, так и он. Глаза раскрой-с кем ты живешь. Горбатого могила исправит. Ты для себя ни минуты не жила. Жизнь человеку дана один раз, а ты ее потратила на это ничтожество, – продолжала нотации Елена Ивановна.

– Не нужна мне без него жизнь, – разрыдалась Вера Семеновна. – Ничего вы не понимаете. Любит он меня, как я могу предать, бросить зависящего от меня человека.

– Странная любовь какая-то. Да он не от тебя, а от бутылки зависит. Я бы ему звезданула один раз сковородкой и присмирел, – поделилась своими размышлениями по поводу семейного счастья Галя.

– Вот если появится, своего и бей, – разозлилась Вера Семеновна.

– Вера Семеновна, сколько можно позволять издеваться над собой? – внезапно, как ангел возмездия, возникла Александра Петровна. – Считаю необходимым нанести визит вашему мужу и объяснить, что нельзя так вести себя с женщиной.

Вера Семеновна заморгала от неожиданности – не в правилах начальницы вмешиваться в дела подчиненных.

После работы всем коллективом отправились домой к Вере Семеновне. Естественно, час пик, и вот уже третий переполненный автобус пришлось пропустить. Больше всего возмущало то, что некоторые пассажиры неслись в автобус, разбрасывая в стороны остальных, менее уверенных граждан. Александра Петровна пропускала всех беспрепятственно.

– Александра Петровна, так мы никогда не уедем! – возмутилась Галя и, разбросав самых активных, стала продвигаться к входной двери.

– Обнаглела! – кричал тот самый парень, что не так давно оттолкнул женщин и нырнул в автобус.

Поводив своим телом, как откормленная змейка, Галина Федоровна так его прижала, что он вынужден был выскочить из автобуса, боясь оказаться раздавленным. Следом за ним выскочила сопровождающая его компания.

– Эй, заходите быстрее, – крикнула она слишком интеллигентным коллегам.

Но на этом приключение не закончилось. Александра Петровна категорически отказалась ехать в лифте и стала подниматься по лестнице на шестой этаж.

– Вот поэтому она на десять лет моложе выглядит, как сайгак по лестнице скачет, – заметила Елена Ивановна.

К лифту подбежал, хорошо под хмельком, веселенький мужичок:

– Дамы-вперед! Не обращайтесь внимание – получил зарплату, – и он пробежался пальцами по карману, – сообразим на четверых?

– Конечно, – вцепилась в мужика хваткой белой акулы Галина Федоровна.

Внезапно заморгала в лифте лампочка.

– Что это? – заволновался мужик.

– Сейчас свет погаснет, и пробежимся по чемоданам, вернее, по карманам, – загробным голосом проворковала Елена Ивановна.

В это время Вера Семеновна сняла темные очки и загадочно подмигнула лиловым глазом.

Едва лифт остановился, мужик вприпрыжку ринулся подальше от каких-то ненормальных баб. Но как оказалось, они направлялись в ту же дверь.

– Видно, новый корефан моего Ивановича, – догадалась Вера Семеновна.

Мужик рисковать не стал и притаился у подоконника в подъезде.

Иванович, похоже, его и ждал, потому что тут же открыл дверь, едва слышав шуршание у входа. Но увидев жену и ее коллег, занервничал:

– Предупреждать надо, припёрлись нежданно негаданно, – любезно отозвался о гостях хозяин.

– Мы ненадолго, – сказала начальница.

– Вот и хорошо, – выразил Иванович готовность выпроводить гостей пораньше.

– Мы пришли к Вам, Николай Иванович, чтобы серьезно поговорить. Долго вы будете издеваться над женой? – строго произнесла глава стихийно возникшего движения местных феминисток.

– А Ваше какое дело?! – возмутился Иванович, – я муж, что хочу, то и делаю. А она у меня пожалуется, еще получит!

И агрессивный тип кинулся к жене. Но не успел он замахать, как оказался на полу. Иванович не понял, что произошло, оттого решил продолжить начатое и вновь замахнулся.

Но тут же последовала подсечка, и Иванович с вывернутой назад рукой валялся, взывая о пощаде. Вошедший в это время товарищ, сопровождающий дам в лифте, тут же с ужасом на лице ретировался.

Коллеги замерли одновременно в испуге и восхищении. Все эти выкрутасы с Ивановичем поделывала их начальница, «божий одуванчик».

– Что это было? – ахнула Елена Ивановна.

– Самбо, – гордо ответила Александра Петровна, – когда-то занимала призовые места на соревнованиях, плюс практика дружинника.

Иванович в испуге забился в угол.

– Вы, Николай Иванович, все учли? – лесной кошкой кружила вокруг него чемпионка.

– Да, понял, – потирая ушибленные конечности, пробубнил не любитель спортивных состязаний.

– Вы клянетесь, что никогда не поднимете руку на свою жену? – не унимался ангел возмездия в лице Александры Петровны.

– Не поднимал и не подниму, – как зомби, соглашался со всем домашний тиран.

Неделю Иванович не мог прийти в себя – женщины его не били ни разу, а потому шок был такой силы, что в глотку водка не лезла.

С того момента начальницу зауважал сильно, и авторитет был настолько велик, что стоило припугнуть, что Александра Петровна уже на подходе, как тут же успокаивался.

Глава 4

Опять снился этот таинственный сон, который так тревожил Валентину.

– Тебе нужно будет принять решение, но из-за своей нерешительности, ты можешь упустить что-то важное.

Валентина тоже склонялась больше к этому выводу, чем к тому, что ей предложила другая сослуживица Галина Федоровна:

– Ты начиталась романов, вот мозг и сносит. Не знаю, что в них хорошего. Я за всю жизнь один прочитала и плевалась: «Граф стал лихорадочно срывать одежды с себя и Корделии. Девушка извивалась в объятиях возлюбленного, наконец, он предстал совершенно обнаженный...»

А дальше все романы как под копирку: что он делал и что она в ответ. Тьфу, противно на всё это тратить своё время. Такую дрянь только пенсионеркам читать! Начитаешься такой ерунды, и станут всякие замки сниться, странно, что никакого графа там ты не обнаружила. Может, стоило в комнату заглянуть? Мне лично такое сроду бы не приснилось, я не витаю в облаках в отличие от некоторых.

Единственно, о чем жалела Валя, так лишь о том, что не рассмотрела замок подробнее, однако отчетливо видела надпись: «Кто сюда когда-нибудь придет, пусть вспомнит обо мне».

Мария Михайловна, уборщица библиотеки, тут же подключилась к разговору:

– Я недавно в читальном зале журнал читала. Кстати, там есть одна интересная статья о вещих снах. Как же этот журнал называется? Убей – не помню названия, но он цветной, и на заголовке астрологические знаки нарисованы.

Она тут же сбегала в читальный зал и принесла интересующий всех журнал. И со словами: «Может быть, и у меня были вещие сны, да я не знаю», – Галина Федоровна тут же приступила к чтению вслух для всех желающих разобраться со своими сновидениями.

Это была статья потомственной ведуньи в десятом поколении, от сотворения мира, психолога-сноведиста Масуфатрии, которая называлась «Повторяющиеся сны».

«Повторяющиеся сны призваны обратить внимание на важные события или процессы, происходящие в нашей жизни, которые мы не осознаем в повседневной суете или психологически не готовы их осознать», – считают психологи. Такие сны могут начать сниться в любом возрасте с интервалом в несколько лет или дней. Сны будут повторяться, пока проблемная ситуация не разрешится.

Повторение сценария сновидения говорит о том, что предстоит важное решение, что наши стереотипы мышления и поведения пора пересмотреть и изменить. Вспомните, когда вы впервые увидели сон, и с какими событиями он может быть связан. Подумайте, о чем может предупреждать сон. Пример из моей практики:

Одному мужчине с двадцати до семидесяти лет снился один и тот же сон: он пытается обуться, причём на правой ноге сапог сидит, как влитой, а на левую он ничего подобрать не может: то размер маленький, обувь не налезает, то цвет отвратительный, то грязный, то рваный.

Выяснилось, что рано женившись, всю сознательную жизнь «ходил налево», при этом мучился не от угрызений совести, а от сопутствующих таким походам болезней. Сон предупреждал, но мужчина не придавал значения. Отсюда летальный исход в семьдесят девять лет.

Часто такой сон будет повторяться до тех пор, пока не решатся ваши проблемы, закодированные в этом сновидении. Сон можно смоделировать, то есть перед сном представить благоприятный финал сновидения, выгодный для вас. Повторять до тех пор, пока сюжет сновидения не изменится.

О чем чаще всего предупреждают сны? Если вы летаете во сне, значит стремитесь вырваться из привычного образа жизни. Падения говорят о страхе перед крушением надежд,

сдавать экзамен – необходимо принять важное решение. Спешить и опаздывать – найти свое место в жизни, упущенные возможности.

Если вы находитесь в не принадлежащем вам шикарном доме, вас могут ждать необычные перемены к лучшему, необходимо только проявить решительность.

В этой истории моей клиентке снился сон, как будто ее муж пытается на лодке отплыть от берега. Рядом с ним находится другая женщина. Они гребут веслами, а моя клиентка, прицепившись за лодку, пытается в неё влезть, но ничего не выходит. И, когда начинает тонуть, ей на помощь приходит дельфин. Рядом видятся обломки лодки мужа.

Этот сон снился ей несколько раз и перестал только после того, как муж предложил развестись, потому что он встретил другую. Но женщина вовсе не хотела развода, она устраивала скандалы ему и сопернице прямо на работе. Вскоре разлучница заболела на нервной почве, её уволили, сразу же от нее сбежал к своей жене любовник. Но у бывшей жены появился дельфин – тренер по плаванию. И в результате муж остался у разбитой лодки.

Я привела этот пример потому, что женщина эта приходила ко мне и просила совет, как ей поступить, и почему этот сон преследует её. Благодаря моей подсказке, она обрела счастье, а если бы цеплялась за лодку, до сих пор бы барахталась, пытаясь спастись от неприятностей.

Красивая сорокалетняя женщина не могла выйти замуж. Она не жалела на себя денег – салоны, бутики, фитнесы, но мужа себе найти не могла. На протяжении последних десяти лет ей снился один и тот же сон: она выходит из парикмахерской с новой красивой прической, и вдруг ей на голову падает фонарь, из глаз сыплются искры, прическа охвачена пламенем, но вместо того, чтобы прийти на помощь, все прохожие смеются.

Пообщавшись с ней, я нашла ее проблему: нужно не прическу менять, а себя. Заботясь о внешнем великолепии, женщина совсем не думала о внутреннем содержании, о внутреннем свечении, о духовности. Она, как выяснилось, была очень заносчива, высокомерна, на всех смотрела свысока и при возможности унижала каждого.

Через несколько визитов она стала совершенно другим человеком, что в конечном итоге привело к замужеству.

Еще одной моей клиентке периодически снился сон, где её забрасывают грязью и золотыми монетами. Все это время она жила в ожидании богатства. Но золото никогда к хорошему не снится, от него зло. Я посоветовала ей поменять свое окружение и поменьше рассказывать о своих планах. На что она очень удивилась, когда я поведала о примерных ситуациях, которые могли с нею произойти.

Например, нашла хорошую работу, но пока шла на собеседование, ее уже заняла одна из знакомых её подруги. Или познакомилась с парнем, дело идет к свадьбе и, вдруг он начинает её избегать. Стоит только поделиться планами, как будто сглазили, ничего не получается. Сон предупреждал, но она не придавала этому значения. Только после того, как клиентка стала выполнять мои условия, – всего-навсего меньше болтать, – всё в её жизни наладилось.

Чаще всего ко мне за советом обращаются женщины. И ничего удивительного. Женщины видят сны чаще мужчин, вернее, запоминают их.

Другой моей клиентке снился сон, в котором всегда присутствовало её старое любимое пальто. Она несколько раз порывалась его выбросить, но в последний момент что-то её останавливало. Я посоветовала найти это пальто и выяснить, что с ним не так. В результате женщина нашла солидную записку покойного мужа.

Он знал, что жена уже не наденет это пальто, так как оно ей мало, поэтому приспособил под сейф. Но видимо, подсознательно, краем глаза, жена видела какие-то манипуляции супруга у одежды, мозг во сне ей подавал сигнал. А может быть, и покойник сигнализировал. Этого мы знать не можем.

Поэтому к снам необходимо относиться со всей серьезностью и ответственностью.»

После прочтения статьи, продолжилось обсуждение снов.

– Однажды я вещий сон видела. Что он был вещий, поняла, когда сбылся. Мне приснилось, что я иду с моим первым мужем смотреть новый дом. Дом деревянный, внутри ничего не было – никакой обстановки, ни людей. Мужу дом очень понравился, а мне нет. И когда он остался в доме, я стала с ним спорить, убеждать уйти отсюда, поискать другое жилище. В конце концов, муж остался в доме, а я ушла. Через несколько месяцев он умер. Сон запомнился, потому что проснулась в слезах и тревоге, – поделилась своим горьким опытом Елена Ивановна. – Может быть, твой сон о чем-то тебя предупреждает, о грядущих переменах?

– Мне не нужны перемены, меня всё устраивает, – убедительно произнесла Валентина, – у меня есть муж, мы любим друг друга, прекрасные дети, налаженный быт, ничего менять не хочу!

– Ну как же я не догадалась, это Леша попросил кого-то притащить букет. Совсем забыла, что у нас годовщина знакомства. Может быть, он хотя бы в этот раз вспомнил. Отсюда и письмо, которое присвоила Горыновна. Искусственные цветы только он мог подарить, – довольная своей сообразительностью, засмеялась Валентина.

Как-то муж ее озадачил:

– Не уютно у нас, надо цветов побольше в комнату.

– Куда же больше – все подоконники заставлены, в вазе букет стоит? – Валентина показала на разноцветные фиалки, которыми увлекалась. На полу в больших вазах красовались экзотические пальмы.

– Это не то. Столько денег на выброс, какие-то удобрения, земля. Вот у тети Маруси поучись – красиво и мухи не летают, – заметил муж. – Хватит деньги на что попало тратить. Из моей комнаты убери свои горшки и купи нормальные, как у тётки.

Валя опешила. Действительно, у Горыновны кругом стояли цветы, но как в похоронном бюро-все искусственные.

До последней минуты ей не верилось, что муж об этом говорит всерьез, но тот не шутил. Наутро решила зайти на рынок, там был отдел ритуальных услуг.

– Дайте мне, пожалуйста, букет покрасивей, – попросила ответственная супруга. Она никогда не перечила своему мужу.

– Вам на тело или поставить? – привычным тоном спросила продавец.

– Э-э, поставить, – подумав, ответила покупательница.

Муж пришел в восторг:

– Вот это я понимаю – красота! – торжественно он водрузил на окно корзину с искусственным букетом.

Поэтому представления о красоте у супругов сильно различались – первый раз в жизни он подарил мне цветы, хоть и искусственные, – радовалась Валентина. Вечер посвятила воспоминаниям о том, как они познакомились с Алешей.

Валентине почти исполнилось восемнадцать, и она с подругами пошла в кино. Рядом с Валею оказались два солдатики, несколько похожие друг на друга, хотя сходство могло сводиться лишь в то, что оба были русые, коренастые и в одинаковой форме.

Оказалось, они служили в Валином городе и находились в увольнении. Ничего не было удивительного, что оба начали ухаживать за девушкой. Валентина была очень хорошенькая и веселая.

– У тебя волосы цвета солнечных лучей, – прошептал один из них и прикоснувшись к ним добавил: «и нежные, как облака».

Валя вспыхнула – такие слова ей никто не говорил. Действительно, волосы были необычного оттенка и струились по спине мягкими волнами. Глаза были яркие, изумрудного цвета, как это часто бывает только у рыжих. При этом на нежно-розовом лице не было ни одной веснушки.

Так уж получилось, что понравились оба парня, ну, может быть, чуть больше тот, который описывал ее красоту. Не зря говорят, женщина любит ушами. Но потом он внезапно исчез без всяких объяснений и остался ее Леша. Конечно, так выражать мысли он не умел, как его друг, но Валентина влюбилась в него, да так, что потеряла всякую бдительность, о чем все время предупреждала мать.

Отец с матерью жили как переселенцы – отец постоянно то уходил, то приходил с чемоданом, за это время сотворив двух дочек. Он находился в вечных поисках женского идеала и жил по принципу: «всех женщин не обойдешь, но к этому надо стремиться».

Со скандалом уходил, хлопая дверью так, что осыпалась штукатурка, а возвращался как потасканный Бобик, скуля о прощении с букетом в зубах, ползя на коленях. И мать прощала в очередной сотысячный раз.

На этот короткий момент она становилась женским идеалом. Конечно, ускоряло возвращение блудного мужа вовсе не его раскаяние и материна вкусная стряпня, а ее тяга к справедливости, и с этой целью она посещала начальство и профсоюз на работе мужа и его очередной любовницы, где рассказывала о его невысоком моральном облике, недостойном поведении.

Вскоре всем это надоедало, любовница выкидывала ловеласа из дома, а он с нескрываемой радостью вползал в дом. Посмотрев на все это, Валя определила для себя: главное – побыстрее выйти замуж, а потом никогда не будет ругаться с мужем, чтобы не допускать таких комедий.

Временами Валентина ловила себя на мысли, а любила ли она Алексея тогда или это было желание поскорее сбежать из дома, подальше от этих Шекспировских страстей? Лучшие драмтеатры страны потеряли несостоявшихся великих артистов в жанре бытовой драмы, коими были ее родители. Папу частенько в накале страстей вынимали из петли, причем веревка, как правило, выбиралась трухлявая, и не подоспей кто вовремя, она бы оборвалась сама:

– Вот, я прощаюсь с вами, дочери дорогие! Ваша мать лучшая из всех женщин, но совершенно бессердечная, не может простить мне легкого прегрешения, – гремел хорошо поставленным голосом участника драмкружка местный сантехник Василий.

Монолог несостоявшегося самоубийцы мог длиться довольно долго. Потешив свое самолюбие, мать так же надрывно прощала гулену.

Видимо, это и привлекало супруга, потому что, однажды, то же самое он проделал у новой дамы сердца. Встал на табурет и начал взывать, но дама куда-то торопилась и в умиление не пришла:

– В общем так, приду, чтоб трупа твоего в моем доме не было, некогда мне поминками заниматься. – и выбила стул из-под ног лицедея.

С того момента он уже не рисковал своей жизнью и спектакль посвящал только законной жене. Эта клоунада продолжалась долго, пока в один из походов «налево», он не нарвался на ревнивого мужа в отставке. Тот поступил классически в таких случаях – взял и зарезал. Вполне логический финал: суждено сгореть, то не утонешь. Об этом Валентина узнала случайно, – о смерти отца ей не сообщили.

Мать не простила ее бегство с солдатиком, у нее были совершенно другие виды на дочь. Она присмотрела ей жениха из соседнего подъезда-сына профессора, а чувства дочери ее вообще никогда не волновали.

Валентина внешне очень походила на отца, поэтому мать больше любила своё повторение, свою копию-младшую дочь, которую считала красавицей и умницей и всегда в разговоре это подчеркивала.

Многие, кто знал их семью, недоумевал, как такого яркого человека, как Василий смогла увлечь и женить на себе столь невзрачная женщина, как Тамара. Но сама Тамара так не считала. Она очень высоко ценила себя:

– Ты не в нашу породу, – говорила мать Валентине, – у тебя одно украшение-волосы, не вздумай остригать, а то как пугало будешь, вообще замуж никто не возьмет, в отца – страхолюдина рыжая.

После бегства дочери, мать запретила общаться с Валентиной и сестре. Валя первое время наводила справки о семье, надеялась на примирение, но потом, видя глухую стену непонимания, перестала.

Особенно поразило лицемерие матери, которая учила дочь соблюдать мораль, традиции, сама же, как оказалось, особо их не блюла. Иначе, как объяснить факт, что уже через неделю после похорон мужа, она привела в дом нового хозяина?

То же самое и с сестрой матери, Риммой, которую в семье считали образцом морали и нравственности. Лишь спустя время, Валя узнала, что тетя раз десять побывала замужем и сумела задержать около себя только последнего, сделавшего ее вдовой.

Весь полученный опыт от общения с другой половиной человечества, тетя Римма вносила в жизнь, рассказывая ужасы о мужском коварстве.

Хотя все мужчины от нее бежали по одной лишь причине-до того она была нудная и мелочная. Считая, что состоит из одних только достоинств, никому никогда ничего не прощала, ни малейшей провинности, а если такая не находилась, она придумывала.

Имея гораздо привлекательнее внешность, нежели ее сестра, тетя Римма в одиночестве долгое время не находилась.

Валя воспитывалась в строгости и находилась под постоянным наблюдением, либо матери, либо тётки.

Её тетя Римма работала контролером в кинотеатре, поэтому Валентина не пропустила ни одного незапрещенного фильма. Тетка строго следила за ее нравственностью и на фильмы с пометкой «до шестнадцати» племянницу не впускала даже за билет и при наличии паспорта, потому как в остальное время тетка пропускала ее бесплатно после того как войдут все билетенные.

Лишь однажды тетка дала маху – пропустила на иностранный фильм, предварительно не просмотрев заранее. И вот показывают любовную сцену – герой и героиня лежат на сеновале, из всей эротики у героини слегка оголенное плечико, о поцелуях не идет и речь-все что действует на неокрепшее сознание населения цензура вырезала.

Что тётке послышалось, непонятно, тем не менее, героиня, вздыхая, все время произносит: «Ибар, Ибар».

Видимо, тетка решила, что это прелюдия к действиям героев и заорала на весь зал: «Валька, быстро выйди из зала!» Хотя Вальке в то время было почти шестнадцать лет. И чтобы посмотреть «Анжелику и король», Валентине пришлось идти в другой кинотеатр, потому что фильм был «до шестнадцати лет». Но и там не обошлось без приключений. Несмотря на свой возраст, Валя очень молодо выглядела. Поехала с друзьями, которые, несмотря на разницу в два-три года, гораздо лучше соответствовали требованиям, повышающим возрастную ценз.

Девушка с тоской смотрела в зал, где подхихикивали над ней родственники и друзья, а ей унижительно пришлось достать из кармана паспорт, с которым, собираясь в кино, она не расставалась.

Во многих городах работали видеосалоны, куда могли пройти кто угодно – в погоне за прибылью на возраст не смотрели.

Но в их городе благополучно продолжали работать кинотеатры и о салонах все знали только понаслышке.

Вечером, идя на посиделки около дома, Валя знала, что за ней наблюдает зоркое и недремлющее око матери. И чтобы, не дай Бог, чего не пропустить, в довесок на прогулку ей всегда давала сопровождающего-младшую сестру, которая по детскому легкомыслию разбал-

тывала все, что происходило в беседке: и о том, что парни пели под гитару, и кто кому строил глазки.

– Прибью, – предупредила старшая сестра, – или вообще гулять не буду выходить, если расскажешь про меня чего-нибудь.

В общем, воспитывали в жуткой строгости, видимо, опасаясь, что она совершит те же ошибки, что когда-то совершили они сами.

Боясь лишиться вечерней прогулки, сестра молчала, как партизан, когда заходила речь о Валентине.

Но надо было знать родительницу – разведка многое потеряла, не призвав ее в свои ряды. Обманчиво кротким голосом, она выведывала все, что ее интересовало:

– Смотрю, на великах катались?

– Ага, – подтвердил ребенок.

– А Валька с кем каталась? – спрашивала маманя.

– С Вовкой Белоглазовым, – не видя ничего предосудительного в этих вопросах, отвечала сестренка.

– А далеко они ездили? – продолжала допрос маменька.

– Не знаю, – насторожился ребёнок, чувствуя какой-то подвох.

– Надолго она тебя одну оставляла? Я же о тебе пекусь, – ласково поглаживая по голове младшенькую, допытывалась родительница.

– А-а-а, – отвечала облегчённо дочь, – где-то на часок.

– А Вовка не обижал Вальку? – интересовалась мать.

– Нет, он её любит, даже поцеловал, – откровенно ответил ребенок.

И после таких строгих мер воспитания, вдруг побег с солдатом!

Сбегая в другую жизнь, Валентина надеялась обрести некоторую свободу, но оказалась в еще большем плену.

Глава 5

Валентина достала из антресолей семейный альбом. Её детских фотографий не было, они остались в родительском доме. Валя с любовью провела взглядом по фотографиям детей – двойняшки, абсолютно не похожие друг на друга, всегда фотографировались только вместе. И до сих пор привязаны друг к другу, даже учиться поехали в один университет.

Как Валя по ним скучала! Хотя понимала, что у детей теперь своя жизнь. Однажды, сетуя на свой возраст, вывела из себя Елену Ивановну:

– Ну какой это возраст – тридцать семь лет, ты среди нас самая молодая, тебе ли говорить о возрасте! А знаешь, сколько лет было матери Татьяны Лариной, когда поэт называл ее старушкой? Тридцать пять.

– Это которая на абонементе работает? – вмешалась в разговор Галина Федоровна.

– Нет, это из другой оперы, – резко ответила коллега. – Здесь имеется в виду произведение Александра Сергеевича Пушкина «Евгений Онегин».

– Там тоже была Ларина? Надо же, какое совпадение, – удивилась ее тёзка.

– Такое впечатление, Галина Федоровна, что Вы школу вообще не посещали, – съязвила Елена Ивановна, возмущившись невежеством коллеги.

– Здравсьте, приехали, в одну школу ходили, забыла что ли? – удивилась плохой памяти Елены Ивановны тезка.

Многим казалось, что неприязнь двух Поповых уходит корнями в далекое детство, где-то их пути пересеклись, и светофор замкнуло.

– Да, как быстро летит время, – рассуждала над семейными фотографиями Валя. «Кажется, совсем недавно она переступила порог этой квартиры, а столько времени прошло – целая жизнь. Нет уже в живых свекрови и свёкра, светлая им память.

С фотографии, уставившись в объектив, кто серьезно, кто строго смотрели родственники. Свёкор, как и все Свинопасовы, упитанный с колючим взглядом маленьких бесцветных глаз. Свекровь смолоду была женщиной интересной, с возрастом превратившись во вторую половину мужа и внешне и по характеру. Не зря говорят: с кем поведешься – от того и наберешься.

– Неужели, и я со временем стану похожей на мужа? – ужаснулась отчего-то Валя.

Свекры новую сноху не приняли, они демонстративно ее игнорировали, с сыном в ее присутствии не называли иначе, как «эта девица». Всё время вспоминали о каких-то приличных девушках, которые были достойны их Алёши. Как правило, в пользу говорило место их работы, это были представительницы очень нужных профессий: зубной техник, продавец, повар. А что взять с Валентины-библиотечный техникум!

Именно так, с брезгливостью в голосе произносили это словосочетание-«библиотечный техникум», хотя к книгам у них было отношение особое – в доме их иметь нужно. И свекровь и свёкор занимали начальственные должности, свёкор был профсоюзным лидером на освобожденной основе.

Эта должность предполагала ряд преимуществ и поблажек. К их числу относилась подписка на собрание сочинений известных писателей. Издания, действительно, в превосходных переплётах стройными рядами красовались в шкафах за стеклянными дверцами.

Увидев это немыслимое богатство, Валентина взяла один из томов её любимого писателя Джека Лондона и, услышав вопль, чуть не выронила его из рук.

– Книги здесь не для этого стоят, чтобы их трогали, – взвизгнула свекровь.

– А для чего? – удивилась Валя.

– Не для этого, – убедительно произнесла свекровь.

Конечно, имея такую богатую библиотеку, можно с презрением относиться к библиотеке. И, когда Валентина нашла работу по специальности, в доме начались скандалы. Муж настаивал уволиться, ему казалось, что читатели-мужчины в библиотеку ходят только за тем, чтобы соблазнить девушек, работающих там. Ему и в голову не приходило, что могут быть и другие интересы, кроме обольщения.

Свёкор не мог смириться, что она работает за копейки, и от её службы никакого существенного достатка в семье нет. Поэтому иначе, как «дармоедка», он её не называл. Свекровь недовольно поджимала губы, но своё мнение держала при себе. Родители мужа были очень скупые. Они старались не тратить ни на себя, ни на своих детей. Никаких лишних обнов, никаких поездок в отпуске. Каждую лишнюю копейку они откладывали на сберегательную книжку, но с какой целью не мог объяснить ни один из них.

В тот момент они могли купить три машины, а потом денежная реформа, и всё...

Леша успокоился только, когда его жена перешла в отдел обработки и комплектования, куда мужикам посторонним вход воспрещен.

Свёкор был личностью очень подлой, при сыне он со снохой вёл себя относительно спокойно, то есть молчал, не замечая её, но стоило остаться один на один, начинал издеваться. Если Валя начинала мыть полы, он надевал грязные туфли и ходил по мокрому полу, не давая высохнуть. Перед приходом жены вновь становился примерным. Заметив грязные разводы, свекровь сурово поджимала губы.

Когда Валя читала книгу, свёкор демонстративно выключал свет, уходя на кухню, где при ясном свете заливал своё горе или радость в зависимости от обстоятельств.

Валентина готовила вкусно, и если свёкор не знал, что это приготовлено снохой, мог и добавки попросить, но если выяснялось, что пища приготовлена Валентиной, то демонстративно выплёскивал в унитаз. Валя старалась не показывать своих слёз и не жаловалась Алексею – все-таки родители.

Лишь однажды, не выдержав очередной выходки свёкра, она попыталась убедить Лёшу снять квартиру и попробовать жить самостоятельно. На что муж страшно разозлился и даже ударил её.

На другой день Валентина, написав записку мужу, чтобы не беспокоился, отправилась на вокзал и купила билет домой к матери, но уехать не успела: на перроне показался муж со своим отцом. Они выхватили из её рук багаж и молча направились домой.

Билет на поезд оказался в одной из её сумок, деньги тоже. Так пришлось вернуться. Лишь когда родились внуки, свекровь немного смягчила свой нрав, но всё же ни невестка, ни внуки её особо не заботили.

Когда детям исполнилось по два года, неожиданно у свёкра обнаружили рак. Из грузного большого мужчины в считанные месяцы он превратился в скелет. Необходимо было колоть наркотики, от страшных болей он кричал. Врачи посоветовали нанять медсестру, чтобы приходила и делала уколы в определенное время.

Валя во время учёбы даже сдавала экзамен по лечебному делу, где их учили перевязывать, обрабатывать раны, ставить уколы. Свёкру пришлось смириться: ни сил, ни времени у него не было. Накануне смерти, говорят, люди предчувствуют свою кончину, он призвал домашних и попрощался с каждым:

– Валя прости меня, если сможешь, я много тебе зла делал, ты этого не заслужила.

Валя расплакалась: ей было жалко свёкра. На рассвете его не стало. Свекровь осталась на руках с одиннадцатилетней дочерью Светой. Как-то маленькая дочь Валентины заинтересовалась этим феноменом.

– Мама, – спросила она Валентину, – бабу зовут Светой, тётю Свету тоже Светой, меня Светой, а деду тоже Светой зовут? Ей было непонятно, почему всех зовут одним именем.

Хотя свекровь пояснила:

– Это наше родовое имя, оно привлекает к себе деньги, у нас всех в роду называют одинаковыми именами.

– Странная философия, – подумала тогда Валентина. Когда свёкор умер, ему было всего сорок семь лет, свекровь в сорок два года осталась вдовой. Какие молодые!

Наконец, Алексею выделили на работе двухкомнатную квартиру. Это было огромное счастье для Валентины, но Алексей не очень этому радовался, и причина ей была не понятна. Неожиданно для всех мать Алексея предложила обменяться квартирами, чтобы меньше платить за коммунальные услуги, да и район ей там нравился больше.

Свекровь летом пропала на даче, которую успел приобрести еще при жизни её муж. Но цивилизный вид этой даче придал сын, он построил там домик, теплицу, пробурил колодец, сделал кое-какие посадки в надежде, что и его семье хоть что-нибудь перепадёт.

Время было голодное, но ни одной ягодки с участка они так и не увидели, свекровь обладала удивительной скупостью, даже по отношению к собственным внукам.

– Давайте вместе посадим картошку, а потом поделимся, – предложила она однажды.

– Мы, вообще-то, хотим свою дачу завести, – поделилась надеждами сноха.

– Зачем вам своя дача, если на этой всем работы хватит? – возмутилась Светлана Николаевна.

Валя тяжело вздохнула: Алексей будет делать всё, как мать скажет. Приближалось время к сбору картофеля.

– Мам, когда картошку копать будем, а то мне надо будет на работе отпроситься? – позволил он матери.

– Не надо отпрашиваться, я уже выкопала, – ответила она.

– У тебя же спина болела, я бы мог всё сам сделать, – не унимался заботливый сын. – И нашу долю ты тоже выкопала?

– Всё выкопала, – хихикнула свекровь. – твоя доля в сарайчике стоит.

Алексей на машине съездил на дачу и вернулся очень быстро.

– Ничего не понимаю, – растерянно произнес он, – в сарайчике только полведра мелкой картошки.

– Ты хорошо посмотрел? – стала переживать жена, – может, украл кто, если на поле оставили.

– Нет, мать сказала: в сарайчике.

– Так сходи к ней, узнай, чего терзаться, – успокоила супруга.

Алексей пришел от матери злой, долго молчал, потом, наконец, рассказал. Когда сын задал вопрос, куда могла деваться картошка, его мать начала кричать:

– Чтоб ты сдох! Это вся твоя картошка. Свою я сдала в обмен на обувь, себе и Светке.

В то время всяческие кооперативы скупали урожай в обмен на вещи. Алексей не стал ругаться, а молча, развернулся и пошел. Вдгонку ему неслись проклятия родной матери. С того момента он её возненавидел.

Она и раньше не особо горела желанием с ними общаться, а тут и вовсе появился повод не знаться с роднёй. Только внуки не могли понять, почему бабушка, когда они ее видят, делает вид, что их не узнаёт.

Недолго думая, они решили навестить бабулю. В то время им было по четыре года. Пешком они добрались до бабы Светы. Та, увидев их, мокрых от начавшегося дождя, пожалела и, дав по конфетке, отправила обратно домой. В это время Валентина обзвонила от соседки всех друзей, морги, больницы, милицию, она не знала, где искать детей. От горя выла на одной ноте.

Неожиданно двойняшки, промокшие и грязные, с виноватыми лицами оказались на пороге своего дома. В том, что они гостили у бабушки, не признались, и Валя никогда бы об этом не узнала, если бы свекровь сама не позвонила ей на работу.

Заметив, что Валентина вот-вот упадёт в обморок, так побледнело ее лицо, коллеги переполошились:

– Всё нормально, – синими губами произнесла она. – Знаете, что мне свекровь сказала?

Говорит:

– Я всегда знала, что ты совсем не та женщина, которая нужна моему сыну. Но теперь я вижу, что ты – никудышная мать. Ты своих детей вчера не потеряла? Они у меня были. Пришли среди ночи, слышу, кто-то в дверь скребется. Мокрые. Я им говорю: «Вы зачем сюда пришли, мать, наверное, волнуется!» Это всё твое неправильное воспитание. Я их побоялась провозжать, у нас тут женщину в подъезде убили недавно, гроб в подъезде стоит, маньяки стадами ходят, а у неё дети по ночам гуляют. Да тебя надо лишить материнских прав. Говорю твоим детям: «Домой идите и больше так не делайте!» Я об этом еще Алексею скажу, молчать не стану!

– Не может быть! – возмутились все без исключения.

И действительно, потом она позвонила сыну и с возмущением поведала о происшествии. Но к удивлению своему, сын не разделял её мнение. Мало того, Алексей, когда узнал об этом, запретил всем общаться с его мамашей. Самое страшное, что свекровь искренне считала, что ничего предосудительного она не сделала и во всём винила сноху. Искренне радовалась, что после смерти мужа ушла жить в двухкомнатную квартиру, которую приобрёл ей Алексей, чтобы «пожить для себя» и поменьше платить за коммунальные услуги, – как объясняла она всем.

Умерла свекровь от этой же болезни, что и свекор. И только незадолго до смерти вперые по-человечески поговорила со снохой. Неужели, чтобы понять что-то в жизни, нужно дожидаться смерти?

Но по какой-то непонятной причине Алексей запретил менять обстановку в квартире.

Вся мебель осталась той же, что при жизни родителей.

Елена Ивановна, как женщина состоятельная, могла себе позволить в течение года побывать в разных странах. Она делила отпуск на части и, когда весь российский народ мёрз у себя на родине, Леночка загорала где-нибудь в Тайланде или Африке. Летом или весной она любила прокатиться в Европу.

– Я была в Руане. На месте сожжения Жанны Д'Арк воздвигнута стела. Но гид нам сказала, что Жанна не могла быть дочерью крестьянина, об этом свидетельствует приставка Д', что само по себе является доказательством, что Жанна относилась к дворянскому сословию. Кроме того, её отец собирал налоги, значит, был человеком грамотным, и это уж точно не крестьянин. Но самое интересное, оказывается, Жанна не была сожжена, вместо неё сожгли другую женщину. А Жанну король наградил и выдал замуж, взяв с нее слово никогда не упоминать, кто она на самом деле. Я под таким впечатлением! А замки Луары – это вообще что-то невообразимое, только ради них стоило побывать во Франции. Правда, в самом Париже я страшно разочарована, представляла его совсем не таким: романтичным, уютным, одним словом, городом влюбленных. Я, конечно, не имею в виду Эйфелеву башню, Собор Парижской Богоматери, Лувр... Но в целом, весь город какой-то захламленный.

Пока Елена Ивановна делилась впечатлениями о поездке с коллегами, лицо Галины Фёдоровны всё больше наливалось яростью. Она не признавала ничьего превосходства:

– Тоже мне заслуга, на чужие деньги прокатиться по загранице. Главное, что человек сам из себя представляет. Про таких говорят: из грязи да в князи. У меня вот нет денег на круизы, зато я горжусь, что потомка Лермонтова.

– Потомок, – машинально поправила Елена Ивановна.

– Потомок, если мужик, а я женщина, поэтому потомка, – сквозь зубы произнесла тёзка, демонстративно прижимая к груди сборник стихов упомянутого поэта.

– Не знала, что у Лермонтова есть потомки, в возрасте двадцати семи лет он скончался, так и не женившись, – добавила Вера Семеновна.

– Вы много не знаете. Я потомок по побочной линии – от внебрачного сына троюродной кузины, – пояснила с важностью Галина Федоровна.

– Вот как? – удивилась Елена Ивановна, – об этом факте, наверное, стоит сообщить литературоведам, исследующим биографию Михаила Юрьевича, – предложила она. – И как давно это стало тебе известно?

Галина Федоровна поджала недовольно губы:

– Недавно, – вынуждена была она ответить. – Я чувствовала, что в моей биографии что-то не так, иногда просыпается странная тяга к поэзии. Я даже завела тетрадь, где стихи пишу. Однажды я прочитала моему бой-френду, и он со мной согласился, что мою родословную нужно проверить, потому что такой талант с генами передается.

Я заказала через Интернет своё гинекологическое дерево, отдала не так уж много денег и теперь я точно знаю, что из графского рода. Мне всегда было лень на огороде картошку копать, теперь понимаю, почему.

– Ты имеешь в виду генеалогическое древо? – поправила её тезка.

– Ты сама-то поняла, что брякнула? – обрадовалась невежеству коллеги Галина Федоровна.

– И что это за побочная ветвь? Мне даже интересно стало, – изобразила внимание Елена Ивановна.

– Я понимаю твою зависть, Лена, не всякому суждено стать потомком такого рода, я даже стих сочинила по этому поводу. «Меня могила не страшит: там, говорят, страданье спит, В холодной вечной тишине», – поэтесса в нескольких поколениях замолкла, пытаюсь вспомнить, что она написала дальше.

– «Но с жизнью жаль расстаться мне», – продекламировала её тезка.

– А ты откуда знаешь? – изумилась Галина Федоровна. – Я никому еще не читала.

– Зато мы в школе наизусть учили, кстати, в той же самой, где и ты училась, – не преминула напомнить Елена Ивановна.

Галина Федоровна расстроилась, но не оттого, что занялась плагиатом, а что искренне считала своим то, что уже являлось кем-то другим сочиненным.

– Иногда так бывает, люди могут выдумывать одно и то же одновременно. До сих пор идёт спор, кто лампочку изобрёл, да и радио тоже. Я в газете читала, – не находила своей вины Галина Федоровна.

– Конечно, – согласилась Елена Ивановна, – если они были современниками, а не как в этом случае.

Галина Федоровна, чувствуя подвох, прищурила свои бесцветные глазки:

– Ладно, у меня документы есть, – порывшись в столе, среди других важных бумаг она, наконец, нашла то, что искала.

Перед коллегами возник сертификат о родстве Галины Федоровны Поповой и Михаила Юрьевича Лермонтова. Прилагалась также схема генеалогического древа, из которого следовало, что от Лермонтовых отходил крючковатый сучок, который ветвился к некоей графине Лаптево-Спиногрызовой. И если все остальные ветви в некотором роде засохли, то упомянутая цвела и благоухала, дойдя, наконец, до владелицы этого сертификата.

– Довольно странная фамилия для дворян – Лаптево-Спиногрызова, – не смогла скрыть изумление Вера Семеновна.

– Фамилия Сухово-Кобылин вас не удивляет. А что здесь не так? Вы что многих дворян знаете? – возмутилась недоверием коллег Галина Федоровна.

– Ну что, против такого серьезного документа не попрешь, графиня, – хихикнула Вера Семеновна.

Но «графиня» Попова отреагировала высокомерным взглядом, брошенным поверх голов низшего сословия.

Валентина все это время молчала, загадочно улыбаясь, чем еще больше раздражала ново-явленную графиню. Её светлость сильно бы удивилась, узнав, о чем в тот момент коллега думает, принимая её улыбку за издевательскую.

Валентина же радовалась за Галину, наивно веря во все, что та говорила. Вот самой Валентине и пытаться найти в ее родословной хоть какого-то завялящегося аристократа не стоило: до четырех колен ее рода все просматривалось как на ладони: женщины – домохозяйки и мужчины из рабочего сословия.

Неожиданно в помещении потемнело, все обратили внимание на окна: солнце скрылось, небо затянулось тучами, низвергнувшими в один момент массу воды. Дождь не шел в обычном понимании этой фразы, он обрушился водопадом.

– Вот черт, – возмутилась Галина Федоровна, – я бы этих синоптиков штрафовала. Обещали безоблачный день, я даже зонтик не взяла, как теперь домой добираться!

Тема плавно перешла на непредсказуемость погоды, недобросовестность её предсказателей. И напоминанием о недавнем разговоре послужила лишь фраза, сказанная Еленой Ивановой в конце рабочего дня:

– Ваше высочество, карета подана!

Глава 6

Валентина пока добралась до дома, совершенно промокла. У подъезда она столкнулась с соседкой:

– Здравствуйте, Мария Георгиевна! Что же Вас выгнало в такую погоду?! Ужасный дождь!

– Тебя не спросила, – ответила вежливая старушка, – спрашивать всех соседей буду, сходить мне в магазин за хлебушком или голодать в квартире. Самой тебе ничего не надо, – худющая, и мужа заморила голодом, еле ноги таскает.

Валентина задохнулась от возмущения, ладно, насчет себя она согласна-когда мужа дома нет, особенно не готовит и деликатесами себя не балует, но что касается мужа, то голодным он не сидит и не от недоедания набрал сто восемьдесят килограмм. Но Мария Георгиевна, если кому-то не испортила настроение, не она была бы. Но и тут Валя пожалела соседку: это она от одиночества злая.

Размышления Валентины прервал звонок. Зазвучала песня любимого певца дочери Григория Сайлера «Нежный цвет небес». Удивительно, что при Светланкиной жизнерадостности и легкому отношению ко всему, она могла слушать такую грустную музыку.

– Привет, – послышался радостный голос Светы, – вы с отцом что, в подпольщики записались?

– Почему? – удивилась Валя такому приветствию.

– Целый день пытаюсь вам дозвониться: абонент недоступен.

– У меня батарейка разрядилась, только сейчас заряжаться поставила, а тут твой звонок. Может быть, и отец не мог дозвониться, – успокоила она себя и дочку.

– Так он что, до сих пор не вернулся из командировки? – удивилась Светлана. – На сколько дней его отправляли?

– Он не сказал, ты же его знаешь, чем больше задаешь вопросы, тем больше он злится. Заверил только, что как только дела закончит, так и приедет. Мне самой эта работа не нравится, человек только что с больничного вышел, перенес такую операцию, а его в командировку направляют, как будто кроме него других работников нет, более здоровых! – пожалела супруга Валентина.

– Понятно, у вас все по-старому. Кстати, я вас поздравляю! – торжественно произнесла дочка.

– С чем? – пытаюсь припомнить хоть какую-то дату, приуроченную к семейному торжеству, но побродив по анналам семейной хроники, мать так ничего и не обнаружила. – Не могу сообразить, – растерялась Валя, – если только ты замуж не выскочила за ту неделю, что не звонила, – пошутила она и, как оказалось, угадала.

– Ну, мать, у тебя интуиция! – восхитилась доченька.

Валентине комплимент понравился, только она пока не поняла, за что её хвалят.

– А я сюрприз хотела сделать. Тебе что, Пашка рассказал? – поинтересовалась Светлана.

– Паша, как и ты, не звонил, так о чем он должен был рассказать? О чем мы с отцом еще не знаем? – уже не на шутку встревожилась родительница.

– Как о чем, ты же только что проговорилась? Про замуж, – дочь весело захихикала, предугадывая реакцию родителей.

– Ты вышла замуж? Это серьезно? – все предыдущие тревоги Валентины ушли на второй план. – Света, ты не шутишь? – Валя пришла в ужас от услышанной новости.

– И что тут такого? Все выходят замуж, а я чем хуже? – возмутилась новобрачная.

– Но ты такая молодая, только недавно в университет поступила, и как всё это совмещать будешь? – решение дочери мать, похоже, не обрадовало.

– Подумаешь, мне уже восемнадцать исполнилось, так что сама могу принимать решения. Правда, хочу тебе напомнить, что некоторая особа в восемнадцать лет уже двух детей имела, и это было в порядке вещей, – заметила дочь.

Действительно, Валентине сказать было нечего, так всё и было.

– Но ты могла хотя бы нам с отцом рассказать о своем решении, ведь это такой серьезный шаг, так не делается, Света, мы тебе не чужие люди, – пыталась увещевать дочь Валентина.

– Ага, разбежалась! Стоило только вам заикнуться, тут же всем табором у ЗАГСа встали, чтобы не допустить моего легкомысленного решения. Папенька, вообще, убежден, что достойного меня принца еще на свете нет, – еще не родился. Сидела бы в старых девах. Себя вспомните, много вы с родителями советовались? Из-за твоего замужества мне с бабкой родной не судьба увидеться: она тебя прокляла. Но, ничего, прожили худо-бедно.

– Странно от тебя такие вещи услышать, Светлана, – строго произнесла Валентина.

– Просто я повзрослела – ответила дочь.

– Ладно, как родители Миши к этому отнеслись? – решила поинтересоваться Валентина.

– Какого еще Миши? – удивилась вопросу дочь.

– У тебя же Миша был женихом, ты мне на телефон фотографии пересылала.

– Мам, с моей шикарной внешностью, у меня уже и Витя, и Леня был, просто я не считала нужным тебе о них рассказывать, – усмехнулась Света.

– С какой такой внешностью? – подумала Валентина. Дочь была ее копией, только волосы достались от женщин по отцовской линии – не очень густые. У Валентины же всегда были комплексы по поводу своей внешности, ей казалось, что природа была по отношению к ней недостаточно щедра. Да и муж иной раз, задумчиво глядя на неё, произносил:

– Да не суетись, замуж тебя уже взяли. Можешь расслабиться. – Видя, как она старается ему угодить на кухне.

И то, что дочь восхищается собой, привело Валю в недоумение.

– Хорошо, если не Михаил, тогда как мне называть зятя?

– Изя его зовут, – засмеялась новобрачная.

– Он что, еврей? – удивилась мать.

– К сожалению, нет, а то бы в Израиле жила, – усмехнулась деточка.

– Но что за странное имя? – высказала свое мнение Валентина. – Не знаю, как отец к этому отнесется.

– Кто бы говорил! У него в роду прабабка Сара, а бабушку Адилю еще я помню, – разбила все сомнения в пух и прах хорошо знающая свою родословную Светлана. – Ничего странного в имени Исмаил Иванович не нахожу, – похоже, ей доставляло удовольствие нервировать мать, потом добавила к скупой информации еще крупинку, – и он не турок, обычный россиянин, вместе учимся.

– Но зачем так ребенка его родители назвали? – почему-то обиделась за зятя теща.

– У него папа – историк. Когда ребенок родился, папаша ткнул пальцем в учебник истории, попав на это слово, вот и придумали, – в честь взятия Суворовым Исмаила. Изя тоже думает, что это издержки производства, поэтому назло родителям просит называть его Изя.

– Да, интересная семейка, – согласилась Валентина. – Мне-то все равно, но ты нашего отца знаешь, он ведь с завышенной самооценкой, а уж в отношении имен, вообще молчу. Я тогда целую войну выдержала, когда назвала сына Павлом, а не Алексеем, как отец и дед хотели. Что за чудачество, не завидую тебе, когда отец всё узнает! Хотя, собственно, ничего не произошло, слава Богу, не китайское имя, и то ладно.

– А чем тебя китайцы не устраивают, они порох и бумагу изобрели, – не согласилась дочь.

– Ну, что с неё возьмешь, откуда такой характер взялся, готова всё наперекор делать, лишь бы своего добиться, – подумала мать.

– Ну, что же, Изя, так Изя, – согласилась Валентина, – думая, как к этой новости подготовить мужа, – может быть, информацию частями предоставлять, чтоб постепенно привыкал.

Под Валиной квартирой на втором этаже проживала пенсионерка Ираида Фёдоровна, всё свободное время занимавшаяся воспитанием своего внука Никиты и кота Шерифа. Внуку было четыре года, он не выговаривал многие буквы, но в целом был очаровательный ребёнок, очень любознательный, непосредственный и симпатичный.

Родители не стригли малыша, поэтому светлые кудряшки доходили почти до плеч, за что мальчика иногда принимали за девочку, до того он был хорошенький, хотя вёл себя совсем не по-девчоночьи.

– Я похож на самурая? – как-то подошел он к Валентине во дворе, размахивая палкой-мечом.

– Не думаю, – честно ответила Валя.

– Почему? – строго поинтересовался воин.

– Не знаю, может быть, потому что ты – блондин, – обосновала своё мнение соседка. – Ты больше похож на былинного богатыря или на викинга.

– Кто такой блондин? – не сдавался ребёнок, про богатырей и викингов он знал из мультфильмов.

– Есть люди с очень темными волосами, – брюнеты, как у самураев, есть шатены, с волосами чуть посветлее, а у тебя белые волосы, таких называют блондинами, – объяснила Валентина.

– Хорошо, согласился малыш, а мухи – брюнеты или шатены, они же не белые?

Валя не нашлась, что ответить. Серьёзный ребёнок выдвинул свою версию:

– Скорее всего, они мушиного цвета. А я – самурайский блондин! Ура! – и он побежал размахивая палкой – мечом, сражаясь с мухами.

– Опять к людям пристаешь с разговорами? – из подъезда вышла его бабушка. – Не присмотрите за ним, пока я в магазин сбегая? Его лучше не брать с собой: просит всё подряд купить, а потом не ест.

– С удовольствием, – согласилась Валя, – детей она любила, а внук Ираиды Фёдоровны был само очарование.

Ираида Фёдоровна достала из сумки ручку и блокнот. Заметив реакцию Валентины, сказала:

– Всё приходится записывать, памяти нет. Иной раз приду за хлебом, а куплю всё, кроме хлеба – память уже не та.

Валентина протянула соседке деньги:

– Купите, пожалуйста, «киндер-сюрприз» для мальчика.

Видя вопросительный взгляд соседки, пояснила:

– Хочу подарить Вашему внуку, он такая прелесть!

– Не надо, что Вы! – стала отнекиваться старушка, – его и так родители балуют без меры, ребенок уже цены вещам не знает. Этими игрушками комната забита, а ему всё новые подавай! В моё время такого не было. Одна кукла за всю жизнь у меня была, да и то с оторванной ногой, после старшей сестры досталась, зато запомнилась, как самая любимая игрушка. А Никитка выпросит игрушку, потом сломает и выбросит, ничего не ценит. Эти мелкие игрушки от «киндеров» по всей комнате валяются. Яйцо даже не ест, игрушку достанет, чтобы понять, что там находится и выбросит.

Но «прелесть» уже прислушивался к теме разговора. Ему очень понравилось предложение о том, чтобы приобрести «киндер-сюрприз» и возмутил отказ бабушки пойти соседке навстречу в ее желании порадовать малыша. Поэтому предприимчивый ребенок взял деньги у Валентины, которые она безуспешно протягивала, и передал бабушке со словами:

– Запиши: купить большой киндер для мальчиков с трансформером. Не забудь! Стродо по списку!

– Хорошо, я куплю «киндер», раз тетя Валя просит, но дам его тебе перед сном, – заявила Ираида Федоровна.

– Ладно, согласился внук, – тогда я уже пойду спать, – с тоской посмотрев на яркое солнце, заявил внук.

Заметив, что Валентина не всё понимает в сказанном внуком, решила заметить:

– Я тоже не все понимала, что он говорит, но со временем привыкла. Родители собираются его к логопеду отвести, а то взрослый парень, а ничего не поймешь, половину алфавита не выговаривает. Какое-то время выговаривал буквы, а потом опять стал слова коверкать. Логопед сказал, что просто мальчику нравится быть в центре внимания, и когда все смеются. Поэтому он то нормально говорит, то не понять что.

Внук что-то сказал, но бабка или не расслышала или впрямь не поняла и попросила его повторить:

– Повтори, Никитушка, что ты сейчас сказал, я не разобрала.

– Зачем? – удивился сообразительный ребенок, – Все равно не поймешь еще раз.

На работе всё было как обычно, правда, обе Поповы отправились в отпуск. Елена Ивановна загадочно промолчала о месте своего пребывания, а вот её тёзка поделилась своими проблемами – ей требовалось лечение в санатории.

– Интересно, как там Галина Фёдоровна отдыхает? – вздохнула Валентина.

– Наверное, ищет новую жертву, – засмеялась Вера Семеновна.

– Хорошо на курорте! Сейчас подлечится, может любовь встретит, – мечтательно произнесла Валентина. – Да и Елена Ивановна где-нибудь на море отдыхает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.